

Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность)

Ирина Быховская

Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
Адрес: Сиреневый бул., д. 4, Москва, Российская Федерация 105122
E-mail: bykirina@gmail.com

Олег Мильштейн

Кандидат педагогических наук, профессор, независимый исследователь
Адрес: ул. Профсоюзная, д. 144, кв. 131, г. Москва, Российская Федерация 127321
E-mail: bykirina@gmail.com

В статье рассматриваются два основных этапа становления и развития советской социологии спорта: первый, охватывающий 1920-е — начало 1930-х годов и второй — 1960–1980-е годы. Во вводной части отмечается, что, обладая интересной предысторией в ранние советские годы и богатой историей развития в середине прошлого столетия, социология спорта как одно из отраслевых направлений в рамках отечественной социологической науки не получила пока адекватного освещения в трудах по истории развития последней. По мнению авторов, одной из причин сложившейся ситуации является традиционное противопоставление высокого (духовного) и низкого (телесного), при котором все связанное с телесными практиками причисляется к проблемам «второсортным». Этот факт находит отражение как в различных формах массового сознания, так и нередко в научно-профессиональной среде. Проведенный авторами краткий анализ советского этапа развития социологии спорта был ориентирован на ликвидацию существующего пробела. Авторы статьи опирались на публикации, посвященные характерной для каждого периода тематике, а также на некоторые «живые воспоминания» — как собственные, так и других участников событий, что добавило некоторый элемент субъективизма. Рассмотрены особенности каждого из этапов (основные векторы развития отечественной социологии спорта, доминанты и их трансформации) в их соотношении со спецификой контекста. Так, социальный запрос 20–30-х годов определил высокий уровень пропагандистско-идеологической окраски исследований; показана также «размытость» социологической проблематики в этот период. Произошедший в 1960–1970-е годы «второй старт» социологии спорта рассмотрен в контексте бурного развития советской социологии в целом. Проанализированы особенности вхождения социологии спорта в пространство более традиционных спортивных наук, дана краткая характеристика основным направлениям и институциям социологии спорта на этом этапе.

Ключевые слова: социология, советская социология, социологические исследования, социология спорта, спорт, физическая культура, телесные практики

© Быховская И. М., 2017

© Мильштейн О. А., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319

Начнем с грустного — с маленькой фразы из большого коллективного труда, обобщающего к очередному юбилею этапы развития отечественной социологии (Ядов, 1998: 21): в подразделе вводной части, обозначенной «Что остается за пределами этой работы», читаем: «Некоторые исследовательские направления, которые были представлены в секциях Советской социологической ассоциации... в данной работе не рассматриваются. Это — социология спорта (Н. Валентинова)...», и далее — еще несколько направлений. Соответственно, и в предметном указателе этого издания «спорт», «физическая культура» и всё с ними связанное полностью отсутствует среди проблемных полей некогда проведенных социологических исследований. Не удалось обнаружить упоминаний об истории социологического изучения этих, столь заметных ныне, социально-культурных феноменов (спорта, телесной культуры, рекреации) и в других работах, носящих в отношении отечественной социологии ретроспективно-обобщающий характер (Тощенко, Романовский, 2010; Фирсов, 2012 и др.).

Конечно, ничего без причин не бывает — а среди них, вероятно, и собственная избыточная «скромность» тех, кто ведет исследования в области социологии физической культуры и спорта (далее — ФКиС); и фактор субъективный, связанный с уходом (в разных значениях — профессиональном, физическом) тех, кто активно создавал и продвигал это направление... На наш взгляд, свою роль в этой ситуации (проявляющейся в разных формах и на протяжении долгого времени) играет и устойчивый фактор отнесения всего связанного с телесными практиками к проблемам второстепенным, если не сказать «второсортным». Ну что-то вроде: поговорим о серьезных проблемах — политике, экономике, образовании, возможно, еще и об искусстве, ну а в конце — «спорт и погода»... Конечно, мы несколько утрируем ситуацию, однако это та самая шутка, в которой, как нам представляется, есть достаточно большая доля истины. Противопоставление высокого (духовного) и низкого (телесного), имеющее глубокие исторические корни, «просвечивает» сквозь века, проецируясь как на массовое, так и на научно-профессиональное сознание, включая положение «телесной проблематики» на аксиологической научно-тематической шкале.

Ситуация в силу социокультурных трансформаций разного толка понемногу меняется, однако маргинальная дислокация всего, что связано с социологическим анализом «телесной» проблематики, в общенаучном пространстве пока сохраняется достаточно явно. Такого же рода сюжет, но применительно отнюдь не к советской социологии, обсуждал со своими слушателями еще в начале 1980-х годов П. Бурдье, говоря о сложностях в определении статуса социологии спорта (отметим, что за прошедшие десятилетия ситуация там сильно с этим вопросом изменилась — но это тема отдельного разговора). «Часть препятствий на пути научной социологии спорта, — размышлял Бурдье, — связана с тем, что социологи, исследующие спорт, оказываются как бы в двойной зависимости: и в социологическом мире, и в спортивном. Поскольку раскрытие этого несколько резкого положения может быть слишком долгим, то, по образу пророков, я буду действовать «по па-

раболе». Из беседы с одним из моих старых друзей, американским социологом Аароном Сикурелем, я понял, что великие черные атлеты, которые в Соединенных Штатах слишком часто «прикованы» к большим университетам, например Университету Стэнфорда, живут в своего рода позолоченных гетто: правые не очень охотно разговаривают с черными, а левые не желают говорить со спортсменами. Если поразмыслить по этому поводу, раскрывая далее формулу, то, может быть, здесь мы найдем исток тех особых трудностей, которые встречает социология спорта, т. е. пренебрежительного отношения со стороны социологов и презрения со стороны спортсменов» (Бурдые, 1994: 257–258).

К проблеме позиционирования социологии и социологов спорта мы еще по ходу дела вернем, но уже в контексте не сегодняшнего, а выбранного для рассмотрения — советского — времени. Пока же лишь повторим ощущение от ситуации с представленностью отечественной социологии спорта в актуальном научном пространстве — грустно... Но такова реальность, и именно исходя из нее особенно хочется заполнить (хотя бы в какой-то мере) лакуну, связанную с обозначенной тематикой; построить своего рода «дополненную реальность» (да простится нам метафорическое использование этого совсем негуманитарного термина!) путем описания некоторых страниц истории советской социологии спорта как небольшого дополнения к уже устоявшейся структуре и «канонам жизнеописания» отечественной социологической науки.

К вводным, ситуативно окрашенным размышлениям, добавим еще несколько важных, на наш взгляд, ремарок, касающихся уже собственно представленного ниже аналитического материала. Во-первых, отметим, что попытка систематизировать, обобщить, представить картину становления отечественной социологии спорта — не первая, и мы с большой благодарностью относимся к тем, кто уже (до нас и наряду с нами) проводил такого рода работу — в списке литературы, эти немногочисленные усилия, естественно, нашли отражение. Наиболее полно, как нам кажется, процесс формирования этой области знания нашел отражение в двух публикациях, авторы которых, кроме всего прочего, — непосредственные участники и, не побоимся этого слова, борцы за «узаконивание» отечественной социологии спорта.

Прежде всего это «Социология физической культуры и спорта в СССР. Обзор основных направлений и аннотированный указатель литературы (1918–1974 гг.)» (Мильштейн, 1974). Наряду с вводно-аналитической частью под названием «Советская социология физической культуры и спорта: пути развития, проблемы и перспективы» в книге представлена максимально полная библиография за указанный период, что позволяет, независимо от личных вкусов и пристрастий, любви или отсутствия таковой к тому или иному автору, достаточно объективно представить тематическое поле, исследовательские направления, список персоналий — словом, то, что, собственно, и характеризует ландшафт отечественной социологии спорта до середины 1970-х годов.

Вторая «опорная» работа — это «Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта» (Столяров, 2005), где автор представил свою систематизацию важнейших направлений в развитии социологии спорта как самостоятельного научного направления. В работе В. И. Столярова проанализированы публикации не только советского, но и постсоветского периода, однако в соответствии с задачами, поставленными в настоящей статье, мы обращались лишь к релевантным им данным.

Предполагаем, что при всём стремлении к объективному взгляду на рассматриваемый предмет, вероятно, определенной толики субъективизма избежать все-таки было невозможно — ведь кроме первостепенной по значимости «документалистики» к ней естественным порядком добавлялись живые картинки из собственной практики, а они — хотим мы того или нет — всегда ограничены временем, пространством, коммуникативным ареалом... Важным подспорьем при подготовке статьи были также личные воспоминания, которыми (наряду с авторами вышеуказанных сборников) поделились участники процесса становления отечественной социологии спорта в 60–80-е годы XX века — д.ф.н., проф. М. Я. Сараф, к.п.н., проф. В. П. Моченов. Также было использовано то, что когда-то (к сожалению, сейчас связь оказалась невозможной) вспоминала о том периоде одна из «пионерок» отечественной социологии спорта, к.ф.н., доц. Н. Г. Валентинова (именно ее имя как руководителя исследовательского комитета ССА названо В. А. Ядовым в цитированном выше фрагменте). Отмечаем всё это с благодарностью.

Мы стремились не просто перечислить имена, названия публикаций — что, несомненно, является важнейшим компонентом, своего рода остовом для формирования представлений о векторах развития рассматриваемого научного направления, о доминирующей на том или ином этапе тематике и ее трансформациях — но и соотносить эту информацию с особенностями социально-политического, социально-культурного, аксиологического контекста, в котором протекал каждый из периодов рассматриваемого процесса. Как известно, для общественных наук в советской метагалактике это был немаловажный фактор.

Важно, вероятно, с самого начала отметить и тот факт, к которому придется еще не раз возвращаться, — что научный сегмент, который можно обозначить как собственно социологию спорта, вызревал длительное время в *близлежащих научно-дисциплинарных* пространствах, где возникали и развивались исследовательские направления, связанные с изучением социальной природы физической культуры и спорта, их социальных функций и т. п. Релевантные тематике социально-философские, историко-культурные, некоторые социально-педагогические работы добавляют важные штрихи к абрису рассматриваемого процесса, что также определило их упоминание нами.

Еще одно, необходимое, на наш взгляд, предварительное замечание касается сквозного для нашего текста словосочетания «физическая культура и спорт»: «проблемы ФКиС», «социальные аспекты ФКиС» и т. п. Такого рода объедини-

тельный принцип (физической культуры и спорта) разделяется далеко не всеми специалистами (в том числе и нами), поскольку эти феномены характеризуются совершенно разными параметрами, имеют различную систему детерминации, целеориентированности и т. д. (специальное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей статьи, поэтому интересующихся можно адресовать к соответствующим публикациям, свидетельствующим о том, что тема не закрыта и по сей день). Однако осознавая многолетнюю дискуссионность проблемы и недостаточную корректность использования терминологии по принципу «два в одном», мы всё же будем в основном воспроизводить именно эту формулировку (в варианте оговоренной выше аббревиатуры «ФКиС») как типичную для лексики отечественной науки о спорте не только на предыдущих, но и на нынешнем этапе.

Ну и, наконец, о двух разделах представленного ниже текста, отражающих ситуацию «двух стартов», разделенных многоточием в общем названии статьи. Как и в других областях социологического знания, история отечественной науки являет очевидный обрыв в развитии социально-дисциплинарных исследований спорта (и связанных с ним феноменов) с середины 1930-х до начала 1960-х годов. Здесь, как и применительно ко многим другим предметным областям социологии, правомерен активно обсуждавшийся историками науки вопрос о *преемственности* между исследованиями и наработками эпохи становления советского общества и тем этапом, который обозначается как возрождение отечественной социологии во второй половине XX века. Не ставя в качестве задачи целенаправленный анализ этой проблемы, ограничимся кратким ответом на этот вопрос: содержание публикаций каждого из рассмотренных периодов дает не слишком много оснований для признания их серьезной сопряженности между собою. Конечно, как говаривал один академик, «лишних знаний не бывает», и кое-что из трудов 1920–1930-х годов оказалось «не лишним» при возвращении к активным социальным исследованиям спорта и физической культуры в 1960-е, однако, скорее всего, такого рода оценкой и ограничивается эта связь. Хотя, возможно, ознакомившись с представленным ниже материалом, кто-то из читателей вынесет и иной вердикт...

«Околосоциология» спорта раннесоветской эпохи: практико-ориентированное теоретизирование в контексте социального запроса времени

Банально, но факт — формирование всего блока социального знания о спорте, физической/телесной культуре, физическом воспитании, которое относится к первым десятилетиям советской власти, подобно всем другим сферам деятельности этого времени, густо окрашено революционными тонами и красками, насыщено призывами и декларациями. Плотная сопряженность теоретизирования по физкультурно-спортивной проблематике, сопровождаемого ориентированными на практику разработками, с идеологическими, социально-политическими установками ярко-демонстративно присутствует в текстах публикаций, выступлений,

агитационных материалов, причем тематика эта присутствует в социально-теоретической продукции того времени достаточно широко.

Контекст эпохи весьма жестко задавал векторы и доминанты развития социальных исследований в рассматриваемой сфере. Ключевыми, по вполне понятной логике, провозглашались задачи, связанные с разработкой *особого, нового* спорта, *особой, новой* физической культуры для *нового же* человека, откуда проистекала необходимость: научно-теоретического (а по факту, прежде всего идейно-политического) обоснования этой *особости*; выдвижения системы аргументов и показателей для *различения* «правильного» пролетарского спорта и прежнего, «неправильного», буржуазного; выявление и обоснование принципиально новых *социально-культурных* смыслов и общественно-значимых *функций* спорта, адекватных провозглашаемым ценностным ориентирам; масштабное описание тех *возможностей*, которые самый совершенный социально-политический строй дает для энергичного движения вперед в сфере спорта и физического воспитания. Решение такого рода социально-теоретических задач шло бок о бок с работой специалистов-практиков (педагогов, гигиенистов, медиков), разрабатывавших соответствующие программы, методики, нормативы и т. п., *в разной степени* сопрягающиеся с новаторскими теоретическими изысканиями¹.

Характеризуя рассматриваемый этап как время формирования «околосоциологии» спорта, мы хотели подчеркнуть, что применительно к раннесоветской эпохе говорить о формировании собственно *социологического сегмента* знания о спорте и физической культуре в строгом смысле слова можно лишь с большой долей условности. Однако и игнорировать этот отрезок при рассмотрении процесса становления отечественной социологии спорта в целом тоже было бы, на наш взгляд, неправильно — ведь многие публикации 1918-го — середины 1930-х годов представляют несомненный интерес и как отражение особенностей социально-гуманитарного осмысления ФКиС, включая элементы собственно социологической рефлексии, и как некоторый дополнительный и недостаточно описанный штрих к ретропортрету развития отечественного социального познания в целом.

Встроенность социологической компоненты анализа ФКиС, как правило, в работы «дисциплинарно размытого» социально-научного жанра (и собственно исследовательские, и, что чаще, идейно-пропагандистские) определила необходимость нашего обращения к корпусу текстов весьма широкого профиля, многие из которых сохранились прежде всего в специализированных библиотеках (например, в богатом архивном подразделении Центральной отраслевой библиотеки по физической культуре и спорту). Серьезным подспорьем при анализе развития социального знания о ФКиС в раннесоветскую эпоху стало фундаментальное исследование Александра Борисовича Суника (Суник, 2010), блестящего историографа

1. Поскольку этот сюжет не входит в предмет нашего рассмотрения, мы ограничимся лишь констатацией существования небезынтересной (для любой области знания, проходящей через переломные этапы) проблематики, связанной с характером и степенью «сцепки» между теоретико-аналитическими основаниями и их методико-практическими имплементациями в конкретный период.

в сфере истории физической культуры и спорта досоветского и советского периодов. Этот труд, суммировавший его многолетний кропотливый сбор и анализ огромного массива информации (в том числе и посредством личных интервью в течение многих десятилетий), — богатейший источник, из которого еще черпать и черпать... И хотя название книги относит ее вроде бы исключительно к области исторического знания, на деле — как в силу значительной интегрированности научных направлений того времени, так и в силу высокой эрудиции автора — эта работа является значимой для изучения основных этапов формирования *всего* блока социально ориентированных исследований ФКиС.

Предваряя собственно содержательный анализ того, что непосредственно или «по касательной» характеризует первые шаги в формировании отечественной социологии спорта, пусть даже в ее изначально «размытом» варианте, обратимся к некоторым позициям, связанным с *институционализацией* этого научного направления — созданием соответствующих учебно-научных подразделений, а также профильной периодики, позволившей обозначать значимые приоритеты, представлять результаты исследований и оставить важные свидетельства для последующих ретроспектив.

Что касается учебных заведений, то для начала упомянем один любопытный факт, пусть и не очень содержательно значимый для анализа проблемы, но являющийся своего рода предметом гордости коллег-гуманитариев из Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта (С.-Петербург). Этот университет, ранее называвшийся Государственным институтом физического образования (ГИФО), получил имя Петра Францевича Лесгафта, всемирно признанного дореволюционного классика в области физвоспитания² в 1920-е годы, а в еще более ранние времена он вырос из Высших курсов воспитательниц и руководительниц физического образования, которые сам Лесгафт и создал (1896 г.) и которыми после его смерти руководил (1910–1911 гг.) классик отечественной социологии, М. М. Ковалевский³. Конечно, такого рода «сопричастность» мало чем обогащает даже предысторию рассматриваемой науки, но всё же при отсутствии возможности упомянуть какую-то звёздную общесоциологическую персону *по сути* вопроса мы не избежали соблазна сказать хотя бы о таком «боковом факте».

Говоря о развитии системы научно-образовательной деятельности в области ФКиС, важно отметить, что традиционно она включала значительный блок дисциплин медико-биологического характера и учебных курсов педагогического профиля. Изучение отдельных аспектов, связанных с анализом социальной природы, социально-культурных факторов трансформации этих феноменов и т. д., в некоторой мере было представлено именно в этом втором блоке. Из него, в свою очередь, в 1930-х годах выделилось как относительно самостоятельное направление

2. Сам П. Ф. Лесгафт всегда употреблял лишь термин «физическое образование».

3. Сайт НГУ им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, раздел «История НГУ им. П. Ф. Лесгафта»: <http://lesgaft.spb.ru/ru> (дата доступа: 18.05.2017).

«Теория и методика физического воспитания», и в этом же лоне в последующем шел процесс постепенного отпочкования отдельных социально-гуманитарных ветвей — исторической, социально-философской/«околосоциологической», политологической (в современной терминологии) и др.⁴ Что касается институционализации собственно социологического вектора изучения ФКиС, то фактом, выпадающим из общей магистрали развития спортивно-педагогической науки в рассматриваемый период, было появление в 1927 году в Ленинградском институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта на кафедре, возглавляемой проф. Е. Ю. Зеликсоном, курса *социологических основ физической культуры* (и даже, возможно, «социологического» наименования всей этой кафедры (Мильштейн, 1974: 16). Подобный курс читался в конце 1920-х — начале 1930-х годов и в Центральном институте физической культуры в Москве (Там же). «Социологические основы...» предполагали достаточно широкий спектр проблем, относящихся к отдельным аспектам *социального анализа* ФКиС, а само название позволяло «отстроить» этот блок от медико-биологического и собственно педагогического. Однако просуществовало это направление как самостоятельное недолго... В числе причин — известная ситуация со сворачиванием в 1930-е годы отечественной социологии в целом, а также печальные зигзаги в профессиональных (и жизненных) судьбах тех, кто начинал строить здание отечественной социально-гуманитарной науки о ФКиС (Суник, 2010: 290–312).

Значимым для процесса институционализации наук о ФКиС стало создание корпуса научной и научно-популярной периодики, в частности журнала «Теория и практика физической культуры» (далее — «ТиПФК») в 1925 году. В силу как ориентации на решение практических задач в области физвоспитания, так и, вероятно, вследствие действия фактора отв. редактора (а им был назначен проф. Н. А. Семашко, занимавший тогда и пост наркома здравоохранения, и пост председателя Высшего Совета физической культуры) в издании было заметно несомненное преобладание публикаций медико-биологического профиля (Суник, 2010: 386), однако в некоторых материалах (прежде всего связанных с решением актуальных задач общественного развития) затрагивались и отдельные социальные аспекты ФКиС. Их содержание, естественно, в гораздо большей мере, чем тексты естественников, определялось идеологическими ориентирами, которые четко прописывались в программе действий печатного органа. Вот пример из редакционной статьи журнала с установками на 1930 год: «...редколлегия утвердила... следующие программные темы: а) пятилетний план по физкультуре ВСФК и входящих в него ведомств; б) пути советской физкультуры в период социалистической реконструкции; в) *социалистическое* [выделено нами. — И. Б., О. М.] и биологическое обо-

4. На ранних этапах (как и далее) движение противоположного характера — от представителей общих социально-гуманитарных научных отраслей (истории, социальной философии, социологии) к заинтересованному изучению феноменов ФКиС происходило в значительно меньшей мере, хотя пламенные тексты «красных идеологов» 1920–1930-х годов весьма широко включали физкультурно-спортивную проблематику.

снование советской системы физкультуры...» (цит. по: Суник, 2010: 454). Понятно, что «социалистическое обоснование» (особенно в паре с «биологическим») — это соответствующее духу времени обозначение всего связанного с подведением социально-научной базы под теорию и практику ФКиС. Правда, как известно, и с «биологическими обоснованиями» ситуация тоже была непростая, в том числе и в рассматриваемой сфере. А. А. Зикмунд, ректор ЦИФК, при обсуждении Программы Государственного ученого совета по физической культуре 1929 года, в соответствии с общими установками, утверждал: «Заменить диалектическое понимание науки, и в т.ч. физкультуры, схоластикой... мы не собираемся. Мы используем западноевропейские ценности, пропуская их через диалектическое сито. Решительно будем отклонять всякую попытку внедрений в наше хозяйство или культуру, в том числе и физкультуру, буржуазных рецептов. Биологию мы ценим, уважаем, но только в социалистическом освещении» (цит. по: Карпушко, 1992: 18–19).

Сопрягая социально ориентированные исследования ФКиС той поры с запросом эпохи, выделим ключевые векторы их развития, отправной точкой которых, естественно, была доминанта в виде утверждения (развертываемого далее в разных направлениях) о гуманистической политике Советского государства как основе развития ФКиС и ее принципиальном отличии от политики в этой области царской России и иных буржуазных стран. Преимущественно анализ строился, как уже отмечалось, на уровне теоретико-идеологического дискурса с подверстыванием (в нужных, по мнению автора, случаях) некоторого количества фактов. Поскольку индивид (в том числе и «телесный») не представлял большого интереса — его задачей было соответствовать предписанному *общественному* идеалу, решать *общественные* задачи и т. п. — то и выяснение его, индивида, интересов, потребностей, склонностей в поле зрения исследователей попасть не должно было «по определению» (хотя случались, конечно, и исключения). Базовыми ориентациями при проведении социального анализа ФКиС было выявление, обоснование, прогнозирование возможностей использования физического потенциала человека и соответствующих телесных практик для достижения целей, значимых для *государства*⁵.

Вполне понятно, что одним из важнейших направлений стало подведение социально-теоретических оснований под анализ массового спорта как средства «улучшения» человека-производительной силы, как фактора воспитания человека, *практически* полезного обществу, — «готового к труду и обороне», здорового, работоспособного. «Физическая культура, — отмечал А. А. Зикмунд, — есть биосоциальная наука, имеющая целью совершенствование природы человека в смысле повышения его жизнедеятельности в целях увеличения продуктивности труда» (цит. по: Карпушко, 1992: 18).

5. Красноречивые свидетели времени — советские социальные плакаты. Скажем, плакат А. Дайнеки 1933 года, содержащий такие строки: «Работать, строить и не ныть! Нам к новой жизни путь указан. Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником — обязан!»

В этом контексте понятно стремление не только призывать к формированию *совершенного человека*, но и провозглашать необходимость развития научных основ для его создания. В частности, разработка вопросов ФКиС непосредственно соприкасалась с решением проблем евгеники. В редакционном обращении журнала «ТиПФК» (1931, № 1) отмечалось: «редакция... ставит на 1931 г. две главных ведущих темы, подлежащих освещению на страницах журнала: 1. Физкультура как фактор повышения производительности труда и борьбы с профвредностями и 2. Физкультура как социально-евгенический фактор. Редакция призывает всех научно-практических работников в области физической культуры сконцентрировать свое внимание и силы на разрешении этих важнейших проблем. Страницы журнала для материалов по этим вопросам будут предоставляться редакцией в первую очередь...» (цит. по: Суник, 2010: 457). Рядом с призывами такого рода, естественно, находились и призывы к разработке социально-гигиенических проблем, а также к обоснованию массового спорта как социального инструмента оздоровления населения, что выступает как задача «не только... узко медицинская, узко физкультурная — это основная задача нашего советского правительства, основное условие успешности социалистического строительства...» (Семашко, 1926: 14). Очевидно, что акцент на разработку проблем оздоровительной физической культуры, на ее развитие для получения необходимого эффекта в сфере производства и, конечно, для укрепления армии⁶ определял и востребованность соответствующих научно-практических исследований — то, что было обозначено как своего рода «гигиенизация» физической культуры, было лишь релевантным ответом на поступивший запрос.

Однако наряду с развитием прикладных работ, обеспечивающих медико-биологические основания ФКиС, развивающих систему физвоспитания и т. п., продвигались и исследования социального характера, среди которых важное место заняли работы, посвященные проблеме «спорт и культура», обоснованию физической культуры как одной из новых *форм культуры* пролетариата. К этому звали с самых высоких трибун (процитируем вновь Н. А. Семашко): «Физическую культуру он [Ленин] понимал в широком смысле слова. Он понимал, что страна наша, которая так отстала в отношении способности трудиться и умения отдыхать, должна иметь физическое воспитание основной задачей культурного строительства. Он понимал, что истинная культура в нашей стране будет проложена через физкультуру» (цит. по: Суник, 2010: 397). В развитие идеи о роли ФКиС как инструмента *культурного строительства* появлялись работы, направленные на обоснование возможностей *нового спорта* в формировании «человека культурного», в отличие от спорта буржуазного — и, в частности, воспитания такого важнейшего качества

6. Этому аспекту уделял весьма серьезное внимание Л. Д. Троцкий. «Когда человек будущего оглянется на прошлое, — говорил он в одной из речей, — он с благодарностью вспомнит работу организаций физической культуры, которые подготовили пришествие этого будущего человека. [Но]... на ближайший период, который, вероятно, затянется на очень значительное количество лет, нам необходимо величайшее содружество организаций физкультуры с организацией Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (Известия физической культуры. 1924. № 10. С. 9–11).

личности, как коллективизм. Уже в 1918 году в Декларации «Основные принципы единой трудовой школы» было записано: «Гимнастика и спорт должны развивать не только силу и ловкость, но и способствовать к отчетливым коллективным действиям...» (цит. по: Карпушко, 1992: 20).

Борьба за новую, пролетарскую культуру, за формирование «правильных» людей без негативных характеристик вела, например, к запрету на первых этапах некоторых, стимулирующих «индивидуализм», видов спорта — бокса, футбола, что требовало и соответствующего «научного» обоснования. В 1925 г. проф. ГЦИФК И. П. Кулжинский опубликовал статью о футболе как изобретении английской буржуазии. «Что такое финт в английском футболе? Финт — это обман. Таким образом, чему мы учим нашу молодежь? Обманывать друг друга» (цит. по: Столбов, 2001: 194).

Один из образцов социального анализа, основанного на сопоставлении спорта пролетарского и буржуазного, — «Мысли о спорте» А. В. Луначарского (1930 г.). Две главы — «На Западе» и «У нас» — это вариант своего рода социально-культурной компаративистики на материале ФКиС. Скажем, разоблачая неправильный американский спорт (который, как известно, в основном — спорт университетский), автор пишет: «Когда знакомишься с тем, какое огромное место занимает спорт в жизни американского студента, то невольно спрашиваешь себя — когда же, собственно, американский студент успевает получить нужные ему знания, а тем более общее развитие... Американский студент действительно до крайности равнодушен к окружающей общественной жизни, совершенно пуст в отношении философском, очень часто просто тупо-религиозен... он весьма формально выполняет свои академические обязанности и, по-видимому, умеет потом... выполнять свои специальные функции... только потому, что вся американская жизнь построена очень крепко и располагает необъятными материальными ресурсами» (Луначарский, 1930: 6). Автор стремится соотнести особенности развития спорта с характеристиками образа жизни в отдельных странах (США, Англия, Германия), подмечая не только изъяны, но и тот позитив, который бы неплохо скопировать в молодом советском государстве. Однако общий вывод все же — это «нездоровый культ спорта как чисто «телесной» культуры, который мы наблюдаем сейчас на Западе» (Луначарский, 1930: 40). Строительство подлинной культуры (несмотря на то что «мы, материалисты, — люди светлой жизнерадостности, мы... признаем гигантское значение физкультуры») все же предполагает, что «сторону культуры, которую мы называем не «духовной», а общественной», — мы должны ставить выше физкультуры...» (Там же: 39).

Свое развитие в публикациях, посвященных социальному значению спорта, получили в 1920–1930-е годы такие позиции, как его компенсаторная функция в условиях буржуазного общества («буржуазия сделала из спорта, путем очень ловкого приема, одно из центральных оправданий существования капитализма, даже как бы материальную опору целого нового мирозерцания» (Там же: 16), а также рассмотрение большого интегративного потенциала спортивных зрелищ (Жолдак,

1932 и др.). В рамках социально-теоретического анализа начали разрабатываться и такие проблемы, как спорт и искусство (Милеев, 1931), спорт и религия (Милеев, 1932), однако серьезного развития они в тот период не получили.

Безусловное преобладание социально-теоретического и агитационно-пропагандистского вектора анализа спорта лишь в очень небольшой степени было «разбавлено» попытками эмпирического подхода к изучению ФКиС, прежде всего в связи с изучением *бюджетов времени* (С. Г. Струмилин и др.). Это было, пожалуй, единственное направление, связанное с обращением к фактору индивидуального поведения в данной сфере. Однако два обстоятельства затрудняют извлечение полноценной информации из результатов этих исследований: не всегда четкое обозначение социальной принадлежности респондентов — специалисты, промышленные рабочие и др. (Эделман, 2008: 51), и отсутствие артикулированного различия между занятиями ФКиС и посещением спортивных зрелищ (Артемов, 1963: 59).

Наконец, отметим еще и такое стартовавшее в те годы направление, как попытка составить *социальный портрет спортсмена* нового общества, для чего была использована весьма детальная статистика первых крупных спортивных мероприятий — прежде всего Всесоюзных спартакиад. Так, уже в 1928 году в отчетах по итогам Первой из них присутствует раздел «Социальное лицо Спартакиады», включивший данные о числе участников по национальности («украинцы — 240, белорусы — 100, евреи — 172, армяне — 127» и т. д.), профессиях («рабочих от станка — 23,7%...»), полу («женщин — 21%»), стажу в спорте («спортивный стаж участников Спартакиады начался после Октябрьской революции у 74,8%» и т. д. (цит. по: Суник, 2010: 409–412)).

Резюмируем: изучение ФКиС с точки зрения их социальной природы, функций, взаимодействия с другими сегментами общественной жизни заняло свое место в палитре развития советской науки первых двух десятилетий, будучи ярко окрашено особенностями этой эпохи. Однако серьезного продолжения тогда не последовало — судьба этой ветви социологии оказалась после середины 1930-х годов столь же печальной, как и отечественной социологии в целом...

Советская социология спорта 1960–1980-х годов: векторы развития в эпоху «бури и натиска» социологического знания

Два значимых контекста, в которых заново и уже более близко к параметрам собственно социологического научного канона происходило становление рассматриваемого отраслевого направления, — это, как и в любой дисциплине социально-гуманитарного профиля: а) пространство социально-культурных процессов эпохи, включая — в данном случае — развитие всего связанного с советским спортом и физической культурой, и б) пространство бурного развития социально-гуманитарного познания и, в частности, социологических практик, институтов и иных атрибутов данного научно-дисциплинарного поля. Каждый из этих кон-

текстов, очевидно, был не просто системой координат, в которой шло «прорастание» и довольно быстрое вызревание плодов новой для советской социологии научной отрасли, но и содержал в себе объективные катализаторы, необходимые стимуляторы роста для этих процессов. В значительной мере это происходило как ответ на запрос, исходивший из социума и как бы «разлитый» в нем, нередко — как выполнение конкретного социального заказа, но также и вследствие развертывания логики собственно научного движения, требующей максимально полного постижения социальной реальности, включая все ее сегменты и формы репрезентации. Спорт как одна из наиболее ярких форм телесных практик (хотя сама эта терминология была и уже, и еще не в ходу) и все связанные с ней реалии неизбежно должны были стать предметом целенаправленного социально-гуманитарного исследования, что и произошло с очевидной непреложностью, хотя и со столь же очевидной степенью изрядной последующей маргинализации. Опишем в основных чертах оба этих контекста, чтобы затем представить наиболее значимые векторы развития отечественной социологии спорта этого периода.

Советский спорт в социально-культурно-политическом времени 1960–1970-х годов

Начнем, как и полагалось в те времена, с главного документа, ссылка на который была важным, а нередко просто «проходным» условием для публикации текстов хоть о сельском хозяйстве, хоть о спортивных достижениях, — с Программы КПСС. Здесь содержался ряд принципиальных для исследователей ФКиС положений, задававших направления как для их мыследеятельности (воспользуемся терминологией щедровитян), так и для практико-ориентированных разработок. Среди них — обязательная к употреблению характеристика человека — строителя коммунизма, который должен обладать, наряду с духовным богатством и моральной чистотой, еще и непременно «физическим совершенством»⁷; положение о необходимости внедрения физической культуры и спорта в быт и повседневную жизнь каждого советского человека, о важности обеспечить переход советского физкультурного движения из массового во всенародное и т. п. Всё это задавало типичную для того времени «рамку соотнесения», с ориентацией на которую соответствующие идеи получали своё продвижение в виде, говоря современным языком, некоторой «дорожной карты» — руководства к действию. Это относилось, естественно, и к только формировавшейся тогда социологии спорта — например: «Признано необходимым сосредоточить усилия научных учреждений на изучении важнейших социологических, педагогических, психологических, медико-биологи-

7. К сожалению, история свидетельствует не только о благородном смысле такого рода императива, и вспоминать приходится не только времена далекие (жесткие нравы Спарты и пр.), но и советские — скажем, историю с отправкой большого числа «физически несовершенных», в том числе покалеченных войной, на удаленные острова (Валаам и др.). Для интересующихся: Ю. Нагибин, «Терпение», и немалое число других источников.

ческих и организационных проблем массового физкультурного движения и роста спортивного мастерства» (ЦК КПСС, Совет Министров СССР, 1966). Нельзя не обратить внимание, что в приведенном перечислении «социологическое» оказалось впереди самых устоявшихся, общепризнанных, доминантных направлений в рассматриваемой области (по советской же традиции читаем «между строк») — вероятно, в силу стремления к демонстрации новаторства и уже возникшей тогда своего рода «моды на социологию». Такого рода постановлений и предписаний было немало, и в определенной мере они задавали вектор развития новой отраслевой социологии, поддерживая соответствующие исследования организационно и финансово.

Формирование этого направления социологических исследований обеспечивалось не только директивами, но и имело в качестве базы реальные практики популяризации спорта и физического совершенствования. На уровне повседневности это, скажем, была ежедневная утренняя гимнастика, транслируемая по радио; производственная гимнастика, входившая в систему НОТ на предприятиях⁸; весьма масштабные по охвату детско-юношеские спортивные соревнования («Золотая шайба», «Веселые старты» и др.); создание совершенно новых по жанру телевизионных программ — «Папа, мама и я — спортивная семья», «Веселые старты», «Спортландия», приобретшая огромную популярность в Белоруссии, и др. Массовой формой досуга стал просмотр трансляций хоккейных и футбольных матчей, соревнований по фигурному катанию и легкой атлетике, рассказы о достижениях советских спортсменов на Олимпийских играх, чемпионатах разных уровней. Всё это делало спорт одной из важных составляющих жизни советского человека, привлекало к нему внимание, формировало целый сонм кумиров для молодых людей. Не чужды были организаторам советского спорта этого периода и масштабные спортивные праздники, популярные еще с 1920-х годов, — Спартакиады народов СССР, начинавшиеся с уровня отдельного города/села, и затем через уровень республики — к финальным соревнованиям в Москве (1 раз в 4 года).

Однако идея достижения массовости (в чем вполне можно увидеть своего рода «переключку» физкультурно-спортивной проблематики 1960-х с той же тематикой 1920–1930-х годов), не утрачивая своего высокого декларативно-призывного статуса, постепенно получала все больше осложнений с точки зрения возможностей реализации и полноформатного воплощения. В конце 1970–1980-х годах всё больше проявляется дисбаланс, разрыв между массовым, повседневным спортом, с одной стороны, и спортом высших достижений — с другой; всё более очевидным становилось снижение уровня *реальной* вовлеченности (иногда существовавшей уже лишь в отчетах) разных групп населения в активные занятия физической культурой; все больше доминировало пассивное потребление спорта как

8. На одной из больших конференций по спортивной тематике уже в 1990-е годы у одного из выступающих спросили: «А почему Вы ничего не говорите о производственной гимнастике, про которую столько раньше писали?» Ответ был предельно лаконичный: «Нет производства — нет и производственной гимнастики...»

зрелища — на трибуне, но еще более часто как «спорт на диване». На ухудшении ситуации сказывались и особенности организационно-управленческой системы в сфере ФКиС — например, фактическое руководство и контроль в этой сфере осуществлял Отдел пропаганды ЦК КПСС, финансирование же (всё более по остаточному принципу) шло через Госплан по статье «Здравоохранение и физическая культура». Выделяемые ресурсы шли при этом прежде всего на сферу «большого спорта».

Организация массового спорта, его досуговых форм всё более отодвигалась на периферию, что находило отражение и в публикациях, радио- и телепередачах. Важнейшим критерием оценки становилось число завоеванных первых мест, золотых медалей на международных соревнованиях, что определяло по формуле «голы — очки — секунды» главный интерес и к сфере в целом, и к разработке теоретических и прикладных исследований в этой области. В такой «системе координат», при доминировании сильно политически окрашенного⁹ прагматично-технократического подхода, нетрудно понять и основные векторы развития спортивной науки того времени — прежде всего это были проблемы спортивной тренировки, методика и технологии достижения высокого спортивного результата.

Что же касается социально ориентированных исследований, то в указанном контексте они в большой мере были востребованы в связи с разработкой проблем типа «Спорт — посол мира», «Спорт и межгосударственные контакты» и т. п. Говоря современным языком, осознание возможностей спорта (наряду с искусством) как эффективного «мягкого оружия» в эпоху жесткой идеологической борьбы, как средства формирования позитивного имиджа страны объясняет определенную заинтересованность власти в развитии и такого, социально-гуманитарного, направления в спортивной науке.

Параллельно этим реалиям, серьезно переориентировавшим интерес в сторону элитного спорта и его научного обеспечения, сохранялась необходимость в пропагандистских декларациях и «правильных» отчетах об успехах страны в создании того самого массового «физически совершенного человека» (наряду с олимпийскими чемпионами) как демонстрации преимуществ советского строя. Никаких иных показателей роста уровня вовлеченности населения в массовый спорт, в занятия физической культурой, в активные/здоровые формы досуга, кроме позитивных, не могло быть по определению: поскольку провозглашенным официальным ориентиром был уровень не менее $\frac{1}{3}$ населения, то именно такой показатель фигурировал во всех «потолочных» отчетах¹⁰. Правильная «статистика» достигалась отчитывающимися структурами разными способами — например, один и тот

9. В рецензии (от 03.08.2009) на книгу М. Прозуменщикова «Большой спорт и большая политика», С. Бондаренко цитирует Андрея Синявского, назвавшего спортивную составляющую в жизни СССР — одной из формообразующих черт советской жизни в целом, характеризующейся «уклоном в техницизм, спорт, учёт и контроль» (цит. по: Уроки истории. XX век [<http://urokiistorii.ru/>]).

10. В то же время до 70% сельских школ не имели даже просто спортивных залов, не говоря уже об инвентаре; крайне ограниченным было число специалистов не только с высшим, но даже и со средним специальным образованием.

же ученик, имевший в школе два урока физкультуры в неделю, считался и членом спортивной секции, и участником спортклуба, а потому эта «единица» превращалась в значительно более серьезное число, фигурируя и в отчетах, полученных от учебных заведений (суммировало соответствующее министерство), и в отчетах территориальных спортивных организаций (сумма получалась уже в другом ведомстве), и в достижениях профсоюзных организаций и т. п. Таким образом, в итоговых государственных отчетах про развитие массового спорта, дела шли всё лучше и лучше...

Описывая ситуацию с развитием ФКиС в 60–70-е годы прошлого века, вряд ли возьмемся утверждать, что именно все более существенные «ножницы» между реальными процессами в этой области и формальными их показателями заставили специалистов-гуманитариев серьезно заняться социологическим анализом проблем в данной области. Однако в определенной мере процессы, объективно (но с субъективным привкусом), протекавшие в 60–80-е годы в сфере ФКиС, весьма уже сложной по своим структурно-функциональным параметрам и заметной по социальному позиционированию, являются обстоятельствами, немаловажными для понимания особенностей социального запроса на социологическое изучение данной области, как, впрочем, и для объяснения (в какой-то части) возникновения личностно-профессионального интереса к такому направлению деятельности у тех, кто его в тот период и обеспечил.

«Рывок» советской социологии как катализатор становления отечественной социологии спорта и ее институционализации (1960–1970-е годы)

Несомненно, мощным стимулом и благоприятным полем для формирования социологии спорта в СССР стало бурное развитие социологического знания в целом, выход значимых публикаций по теории и методологии социологии, инструментарию социологических исследований, начавшийся процесс *институционализации* социологии как самостоятельной науки, в том числе и создание Советской социологической ассоциации, один из комитетов которой работал на развитие социологии спорта. Немаловажной составляющей этого процесса стала также начавшаяся в те годы подготовка специалистов-социологов с некоторым количеством специализаций. И хотя такого профиля, как социология спорта, среди них не было, и вообще происходило это изначально не на базе собственно социологических факультетов или даже отделений (отсутствовавших тогда «в природе»), а в рамках, например, отделения научного коммунизма философского факультета МГУ¹¹, это был серьезный сдвиг в формировании кадровой инфраструктуры не только общей, но и отраслевой социологии. Правда, на протяжении довольно длительного времени специалисты, занявшиеся социально-гуманитарными исследованиями

11. Именно там находилась одна из первых социологических кафедр (на которой посчастливилось учиться одному из авторов статьи. — И. Б.) — кафедра «методики конкретных социальных исследований», руководимая тогда проф. Г. М. Андреевой, навсегда чтимой и с благодарностью вспоминаемой.

спорта и всего проблемного блока, связанного с ним, были выходцами из смежных научных областей, что объясняет значительный крен в разрабатываемой проблематике к социально-философскому, социально-историческому, социально-политологическому характеру: изначальная профессиональная подготовка и ориентированность не могли быть легко и просто нивелированы. Однако благодаря именно таким «смежникам» и стартовала отечественная социология спорта¹². Скажем, в начале 1960-х годов в НИИ физической культуры пришел выпускник философского факультета МГУ А. А. Френкин, который активно публиковал работы по социально-философским проблемам спорта как в специализированных изданиях («Теория и практика физической культуры», «Спорт за рубежом»), так и в философской периодике («Вопросы философии», «Философские науки» и др.). В те же годы на кафедре философии Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры (ГЦОЛИФК) пришла к.ф.н. Наталья Григорьевна Валентинова (до этого работавшая в отделе социальных исследований Института философии АН СССР), которая позже возглавила комитет социологии спорта в Советской социологической ассоциации.

В 1972 году кафедру общественных наук в ГЦОЛИФКе возглавил перешедший сюда из Института философии молодой доктор философских наук Владислав Иванович Столяров, усилиями которого через какое-то время здесь стала возвращаться социология спорта и как исследовательское направление, и как учебный курс. Вероятно, не только к проф. Столярову можно применить классическое «роль личности в истории», продолжив — «в истории становления советской социологии спорта», но к нему это относится точно, по крайней мере, так это видится нам «изнутри» как участникам тех процессов. Приход в Институт физкультуры на общественную кафедру (формата тех-то времен!) 35-летнего, энергичного, полного идей (прежде всего связанных с развитием именно социологии спорта) энтузиаста позволил создать площадку — а возможно, более точно, «делянку» — для заседания уже «просящимися» в почву семенами, а затем и для сбора первых, пусть изначально и весьма скромных, урожаев на ниве этой новой для советской гуманитарной науки области.

Совершенно нетипичный для тех времен заведующий обществоведческой кафедрой¹³ — ни по возрасту, ни по энергетике, ни по задумкам, если не сказать, мечтам, — он стал некоторым «центром притяжения» для представителей как

12. Вопрос о том, как «правильно» должна развиваться отраслевая наука, в частности отраслевая социология, по варианту: а) сначала глубоко знай предмет (спорт, труд, искусство и т. д.), а потом уже добрай «социологическую оптику» для соответствующего анализа, или б) овладей в полной мере собственно социологическим знанием, методами и т. д., а потом можешь применять это к любому предметному полю, «добрав» некоторое знание о нем, — не перестает периодически возникать в дискуссиях и сегодня. Эффективность того или иного варианта — отдельная тема, поэтому здесь ограничимся лишь упоминанием об этой «вечнозеленой» проблеме.

13. Вспоминаю (И. Б.) слова Г. М. Андреевой (тогда уже вынужденной перейти на факультет психологии, но продолжавшей опекать своих бывших студентов-социологов): «Ко мне обратился один молодой доктор наук, ищет людей, чтобы развивать совсем новое направление в социологии (речь шла о Столярове). ...и главное — смотри всегда не на вывески, а на конкретного человека: попробуй

минимум двух групп специалистов социально-гуманитарного профиля. С одной стороны, это были люди с профильным спортивно-педагогическим образованием (например, специалисты в области теории спорта и физического воспитания, историки спорта и т. п.), но имевшие склонность и стремление, выйдя за рамки своей традиционной науки, посмотреть на тот же предмет в более *широком социально-культурном* контексте. С другой стороны, новый вектор исследований вызвал интерес и у тех, кто (как уже упоминалось), принадлежа по своему образованию и интересам к более широкой области социально-гуманитарного знания (философы, «общие» историки, первые социологи и др.), увидел здесь возможность заняться *менее идеологически нагруженной* проблематикой, чем во многих других областях; не уходя из профессиональной сферы, хоть в какой-то мере уйти от достаточно жестких политико-идеологических предписаний, неизбежных в определенных науках в определенное время. Сфера спортивной и «около-спортивной» науки стала одной из такого рода привлекательных «заводей» для тех, кто, говоря словами поэта, полагал, что «Если выпало в империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря. / И от Цезаря далеко, и от вьюги. / Лебезить не нужно, трусить, торопиться...»¹⁴.

Не будем утверждать, что предполагаемые нами варианты мотивации «обращения» в социологов спорта у всех субъектов этого действия были именно такими (видимо, было и просто: люблю спорт, хочу этим заняться), но и первый, и второй варианты нам хорошо фактологически известны из живой практики тех времен¹⁵. Не будем скрывать также и то, что один из авторов этой статьи принадлежит к первой, а другой — ко второй «мотивировочной» группе. Но, конечно же, такой уровень «репрезентативности» не дал бы оснований для высказанных предположений, если бы, повторимся, не знание о линиях научной судьбы многих коллег; авторы же — скорее, просто небольшая иллюстрация.

Приток специалистов с базовым социально-гуманитарным образованием (кроме уже названных, были еще и М. Я. Сараф, Б. Б. Левин, Л. А. Верховина и

найти еще на общественных кафедрах таких энтузиастов, с такими замыслами. Новое — это же всегда интересно!»

14. Иосиф Бродский. «Письма римскому другу».

15. Вообще проблема выбора (конечно, когда он есть) исследователем поля собственной деятельности — крайне интересная науковедческая история, особенно когда речь идет о формировании той или иной новой области научной практики. Один из авторов, имея опыт, связанный со становлением и продвижением такой, пока еще далеко не всеми признаваемой науки — культурологии, может смело утверждать, что внешний абрис процесса приобщения того или иного исследователя к этой сфере, далеко не всегда достаточен для понимания сущности происходящего. Так, скажем, нередко высказываемое мнение, что, мол, эта культурология возникла как необходимость куда-то девать представителей «отмененного марксизма» (с кафедр истории КПСС, научного коммунизма и пр.) — позиция, весьма далекая от истины, если принимать во внимание не только внешние фабулы (исходя из принципа *post hoc ergo propter hoc*), но и всерьез заниматься анализом логики движения социально-гуманитарного знания, ролью социального запроса в формировании исследовательских траекторий и т. п. Делаем эту ремарку в данном случае, чтобы подчеркнуть небезынтересность этого аспекта для любой научной области, в том числе и для социологии спорта, хотя более детальное его рассмотрение не входит в число наших задач.

др.) позволял вести разработку новых для спортивной науки исследовательских программ, связанных с выявлением социально-философских оснований спортивной деятельности, с анализом ее социально-культурных факторов, детерминант и функций. Именно в этом лоне постепенно складывалось то направление, которое затем оформилось как социология спорта.

Понятно, что кадровое обеспечение и «кадровый энтузиазм» нарождающейся социологии спорта были важным, но недостаточным условием для институционализации социологии спорта — необходимы были еще и *опорные площадки* в виде вузовских кафедр, подразделений в научных институтах, ассоциаций и т. п. Важной вехой в процессе институционализации нового направления стало создание в 1968 году секции (затем — комитета) социологических проблем физической культуры и спорта Советской социологической ассоциации, первым председателем которой стал профессор А. Д. Новиков (ученый секретарь — Н. И. Рутберг). С 1972 года, на протяжении почти двух десятилетий, этот пост занимала к.ф.н. Н. Г. Валентинова (сначала функции ученого секретаря продолжал выполнять Н. И. Рутберг, а в 1980-е годы — И. М. Быховская). Большое количество интереснейших конференций, проектов, активное международное сотрудничество — всё это обеспечило весьма достойное «портфолио» этого подразделения, сейчас, увы, вспоминаемого как прекрасное далёко... Будучи важной «точкой роста» социологии спорта в СССР и «точкой сборки» всего, что способствовало продвижению этого направления, комитет, естественно, мог продуктивно работать, лишь опираясь на набирающие силу институции, широко разбросанные по стране. Еще раз отметим, что на протяжении довольно долгого времени слово «социология» никак не могло пробиться «на вывеску» многих из тех подразделений, где *по факту* уже всюду развивалась спортивная ветвь социологии, поэтому реальная практика была намного более представительной, чем число подразделений, у которых де-юре существовал такого рода титул. Однако и последних тоже становилось всё больше. Назовем некоторые из тех площадок, где активно шло строительство здания социологии спорта в 1960–1980-х годах.

В 1963 году в ЦНИИФКе был создан сектор социологических проблем физического движения и системы физического воспитания (рук. — проф. Г. И. Кукушкин), в центре внимания которого находились разработки по двум основным темам — «Физическая культура и труд» (лаборатория В. И. Жолдака) и «Физическая культура по месту жительства» (исследования М. Д. Рипы, Х. А. Фаткуллина, И. И. Переверзина и др.).

Активная работа шла в спортивных вузах и на спортивных факультетах некоторых педагогических институтов: как правило, сначала «пробивался» учебный курс социологии спорта, а затем это направление закреплялось в названии соответствующего подразделения (как правило, в сочетании с другими, смежными и более традиционными составляющими спортивной науки, чаще всего «историей» или «организацией и управлением»). Нередко это происходило с большим интервалом — например, в ГЦОЛИФКе курс социологии спорта начали читать в 1982

году, а в названии кафедры «социология» появилась лишь через 10 лет¹⁶ (Столбов, 2003: 180). Процесс оформления социологии спорта в виде учебного курса, а затем и наименования соответствующего подразделения, интенсивно развивался также в Ленинграде (ГДОИФК, проф. Н. И. Пономарев и др.), Красноярске (А. М. Гендин, М. И. Сергеев, А. Н. Фалалеев), в Московском областном ИФК, с давних времен располагающемся в Малаховке (Ю. А. Фомин).

Заметную роль в становлении социологии спорта сыграли сибирские города — Новосибирск, Омск, Красноярск, где, как и в республиках Прибалтики, серьезным фактором ее развития стало активное «движение навстречу» с двух сторон — со стороны представителей общей социологии и исследователей из научно-образовательных центров спортивного профиля. Более того, вопрос о необходимости развития социологии ФКиС в нашей стране одним из первых публично поставил В. А. Артемов, работавший в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Позволим себе дать большую выписку (поскольку это — одна из первых постановок вопроса) из его статьи 1963 года, которая была опубликована в специализированном журнале «Теория и практика физической культуры», хотя и в разделе (!) «Трибуна читателя»:

В физической культуре есть две стороны, неразрывно связанные между собой: биологическая и общественная... В изучении первого вопроса у нас имеются определенные успехи, достигнутые благодаря значительной работе... Хуже обстоит дело с изучением социологического аспекта физической культуры, приобретающего всё более важное значение. Настоящих научных исследований в области социологии физической культуры у нас нет... Оживление советской социологической мысли не коснулось теории физической культуры. Правда, на всесоюзном совещании по теории физического воспитания в ноябре 1961 года неоднократно подчеркивалось значение разработки социологических вопросов ФКиС. Но существенных сдвигов... не произошло. ...Статей по философским и социологическим аспектам ФК не было и в «Философских науках», и в «Вопросах философии», кроме статьи А. А. Френкина [Френкин, 1962. — И. Б., О. М.]... Журнал «ТиПФК» совершенно не информирует читателя о социологических исследованиях в области ФКиС, которые ведутся в ГДР, Польше, Чехословакии, где уже достигнуты определенные результаты. *Создать физическую культуру коммунизма* — именно так стоит задача — можно лишь на основе естественных и общественных наук. Последние должны исследовать место и роль ФК в обществе, строящем коммунизм, взаимодействие с другими общественными явлениями. Ключ к решению этой задачи — в развертывании конкретно социологических исследований... Исследования должны быть комплексными, проводиться учеными различных специальностей... Ведь много данных, касающихся ФКиС, осталось неизвестными теоретикам ФК. С другой стороны, в исследовани-

16. Попытка внести слово «социология» в название соответствующей кафедры была предпринята в ГЦОЛИФКе еще в 1982 году (ученый совет изначально поддержал появление нового названия — «кафедра истории и социологии физической культуры и спорта»), но вышестоящему начальству это категорически не понравилось, и «социология» была удалена в ожидании лучших времен. При этом курс социологии ФКиС все же уже читался.

ях [«бюджета времени», что было предметом научных интересов автора. — И. Б., О. М.] либо слабо освещаются, либо вовсе выпадают вопросы ФКиС... это время включается в очень общий термин «активный отдых». В других случаях вообще не ясно, что понимают исследователи под занятиями ФКиС. А ведь это, во-первых, вид активного отдыха, во-вторых, средство и метод всестороннего развития личности, в-третьих, способ культурного использования свободного времени... Видимо, целесообразно создать сектор социологии ФКиС в ЦНИИФКе или НМС... (Артемов, 1963: 58–59)

В последующие годы В. А. Артемов вместе с коллегами провел большое число исследований, где в качестве обязательной компоненты при изучении структуры и видов затрат свободного времени присутствовали позиции, связанные с конкретными формами ФКиС (см., напр., Артемов, 1964)¹⁷.

Среди других сибирских центров развития социологии спорта можно назвать группу, сформировавшуюся в Омском институте физкультуры, где в 1968 году, по воспоминаниям О. А. Мильштейна, впервые в стране стали читать курс «Социология физической культуры и спорта». Важной особенностью работы группы было тесное взаимодействие с «неспортивными» социологическими институциями — с социологами из Сибирского отделения АН СССР, Уральского филиала Академии наук и др. (Мильштейн, 1974: 20).

В Тартуском университете, где в начале 1970-х годов также уже читался курс по социологии ФКиС, под руководством Майта Арвисто было разработано и проведено одно из первых в этой области масштабных исследований: «Конкретно-социологическое исследование некоторых субъективных аспектов участия в спортивной деятельности». Среди республиканских «точек роста» нельзя не назвать институты физкультуры в Киеве (С. С. Гурвич, А. С. Тихоход, Ю. Г. Крюков и др.); в Минске, где с 1971 года начали читать курс по социологии спорта и проводить эмпирические исследования (К. А. Куликович, О. А. Мильштейн, С. Молчанов); в Ереване (социологическая лаборатория — с 1968 года); в Кишиневе (блестящие, неординарные разработки социально-философских и теоретико-социологических проблем ФКиС — Н. Н. Визитей).

Усилиями названных и многих других специалистов (добавим к уже упомянутым выше такие значимые для периода становления имени, как С. Н. Аджемян, П. А. Виноградов, С. П. Дулинскас, Д. К. Жвания, В. С. Родиченко, Н. И. Рутберг, В. И. Усаков, М. А. Якобсон и др.) постепенно «пробивалась» стена непонимания и непризнания такой науки о спорте, как социология, а также шаг за шагом среди «несоциологического» сообщества формировалось понимание необходимости введения курса «Социология спорта» хотя бы в учебные планы профильных

17. В его работах появился термин — «занимаемость» — для обозначения доли людей, которые в той или иной изучаемой группе (трудящиеся, учащиеся, женщины и др.) занимаются ФКиС. Например, в указанной работе 1964 года приведена таблица, озаглавленная «Зависимость занимаемости физической культурой и спортом от материально-бытовых условий» (Артемов, 1964: 59).

институтов¹⁸. Называя здесь лишь отдельные имена, подразумеваем, что вокруг этих «центровых» (используем спортивную терминологию!) возникали целые исследовательские коллективы, обеспечивавшие становление и продвижение новой научной отрасли.

Говоря о процессе становления социологии спорта как научной и учебной дисциплины, нельзя, как нам кажется, обойти один немаловажный момент. Понятно, что новые специалисты, со своими новыми же задумками, новыми подходами, предполагающими новые векторы движения, приходили не в «пустыню», а в сложившиеся образовательные и научные коллективы. Как это бывает, вероятно, всегда, становление нового научного сегмента, процесс его вхождения в «плотные слои атмосферы» уже устоявшегося научного поля, поделенного между традиционными для той или иной области дисциплинами (и что важно — их представителями), оказался совсем непростым. С одной стороны, специалисты в теоретических сегментах спортивной науки, весьма уже продвинутой в те годы, могли рассматриваться как *потенциальные* соратники, знания которых были чрезвычайно ценны, а имеющиеся данные просто необходимы для реализации идеи нового взгляда на старые проблемы. Это относилось прежде всего к таким смежным дисциплинам, как история ФКиС, психология спорта, управленческим наукам, теории ФКиС; в меньшей мере к двум другим блокам дисциплин, традиционным для спортивных вузов, — естественнонаучному и спортивно-педагогическому. И практика обнаруживала готовность некоторого числа спортивных специалистов к такому взаимодействию, что облегчало, стимулировало, корректировало еще только нащупываемые векторы движения.

С другой стороны, появление «околоспортивных неофитов» со своими социально-гуманитарными подходами в прежде «чисто спортивном» пространстве расценивалось многими из тех же «смежников» как покушение на их, дотоле незыблемый, статус «полноисчерпывающих» наук, в том числе и применительно к изучению социальных аспектов ФКиС. Стремление обосновать значимость иного, социально-культурного и собственно социологического подходов, включить их на равных правах в полидисциплинарный исследовательский контекст вызывало нередко сопротивление и оценку происходящего как «вражескую» (по смыслу, без произнесения слова) попытку разрушения структуры пространства, «до вас» прекрасно выстроенного и не требующего каких-то корректировок. Предлагаемые программы, новые разработки, не говоря уже об институциональных решениях, отнюдь не всегда встречались доброжелательно, нередко порождали весьма острую полемику, в центре которой оказывались сакраментальные вопросы: а зачем это нашему спорту? А какой практический толк от ваших исследований? А не размывают ли эти социально-гуманитарные «размышлизмы» границы нашей «строгой спортивной науки»? Ну а если собственной аргументации для «правиль-

18. Дорога эта была, правда, не так уж коротка — программа такого курса как обязательного для профильных вузов была официально утверждена предметной комиссией Учебно-методического совета Спорткомитета СССР только в 1990 году!

ных» ответов на такого рода вопросы у нападающей стороны в итоге не хватало, то в ход шли (не раз сами тому были свидетели) доводы типа: «Да что вообще может про спорт и его проблемы сказать человек, который и сам-то в трусах на беговой дорожке не стоял?!!»

Общение с коллегами, работающими в сфере социологии спорта во многих странах, позволяет утверждать, что такого рода ситуации были довольно типичны не только для отечественной версии формирования этой науки. Собственно, о проблеме, близкой к рассмотренному сюжету, который можно было бы обозначить как «свой среди чужих, чужой среди своих», говорил в своих лекциях П. Бурдьё: «Логика социального разделения труда стремится воспроизвестись в разделении научного труда. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, людей, очень хорошо знакомых со спортом на практике, но не умеющих говорить о нем, а с другой — людей очень плохо знакомых со спортом практически, которые могут говорить о нем, но пренебрегают им заниматься или делают это кое-как» (Бурдьё, 1994: 258).

Конечно, такого рода сложности и проблемы не уникальны, они неизбежно возникают (обратимся к истории науки вообще и «локальных» наук в частности) при появлении отпочковывающихся научных направлений, стремящихся институционализироваться и занять своё место в научном и образовательном пространстве. Понятно, что в разных областях этот процесс имеет свою профилизацию, но уклониться от него, вероятно, никому и никогда не удавалось... Сложности в становлении отечественной социологии спорта были порождены, однако, не только неизбежной реакцией со стороны «законных представителей» традиционных наук о спорте, но и особенностями восприятия спорта как «второстепенного», если не маргинального, предметно-проблемного поля по оценке многих представителей «большой науки», в данном случае социально-философского и собственно социологического знания. И, пожалуй, это было важной составляющей «профилизации» рассматриваемого процесса, не позволяющей провести полную аналогию с «отпочкованием» других отраслевых социологических направлений в отечественном организационно-научном контексте, хотя и имеющую, как уже упоминалось, общие «родовые травмы» с зарубежными социологиями спорта.

Основные проблемно-тематические блоки отечественной социологии спорта в 1960–1980-е годы

Справедливости ради еще раз отметим, что анализ спорта как социального явления присутствовал в определённой мере и до стадии институционализации социологии спорта, и до этапа существенного расширения его социально-философского рассмотрения. Предшественниками этого постепенно оформлявшегося исследовательского пространства были авторы отдельных работ, которые по своему содержанию, по тематической направленности были весьма близки к теоретико-социологическому анализу спорта, физической культуры, досуговых форм

рекреации и т. п. Однако при отсутствии соответствующих научных сегментов принадлежность этих исследований обозначалась в традиционных полях — истории ФКиС, теории физической культуры и физического воспитания и др. Понятно, что идеологическая окрашенность этих работ была своего рода необходимостью и неизбежностью тех времен, однако при элиминации этой компоненты далеко не все работы теряют свой смысл и научную значимость — естественно, оценивая их с пониманием контекста времени их написания (см., напр.: Пономарев, 1951; Столбов, 1966).

Однако стремление выделить социологическое направление в изучении ФКиС как относительно самостоятельное диктовало необходимость обоснования его постепенного «отстраивания» от смежных дисциплин, где также присутствовали элементы социального анализа этих феноменов. Это было особенно важно, поскольку, как уже было отмечено, формирование социологии ФКиС шло *изначально*, скорее, не как «отпочковывание» от общего ствола отечественного социологического древа (и специализированные кадры, и реальное научное взаимодействие с собственно социологическими институтами пришли несколько позже), а из лона спортивной науки. Понятно, что одной из проблемных зон стало прежде всего обсуждение самой социологии спорта с точки зрения ее специфики, статуса, целевых ориентаций и т. п. Масштабная дискуссия по понятным причинам развернулась вокруг *предмета социологии ФКиС*. Не слишком развернутый, но достаточно представительный анализ дискуссий по этому поводу, проведенный О. А. Мильштейном (Мильштейн, 1974: 25–27) и В. И. Столяровым (Столяров, 2005: 11–13) позволяет нам, отослав заинтересованных лиц к этим источникам, прокомментировать лишь те значимые позиции, которые способствуют, на наш взгляд, пониманию особенностей рассматриваемого этапа. Вот одно из первых и достаточно типичных определений: «Марксистская социология спорта — это область общественных знаний о физической культуре и спорте, физическом воспитании, их значении в жизни общества, социальной роли и общественных функциях» (Степовой, 1972: 67). Очевидно, что процесс «отстраивания», обретения самостоятельного статуса со всеми атрибутами, необходимыми для такового, был пока еще скорее желаемой перспективой, чем актуализированной реальностью.

Более развернутое, нацеленное на более явную спецификацию новой научной области определение предложено М. А. Якобсоном, выделившим 4 основных направления социологического изучения физической культуры, позволяющих в сумме описать искомую предметную область: 1) «*Интраспективное*» направление — изучение структурных элементов или подсистем физической культуры (такowymi названы спорт, физическое воспитание, физическая рекреация) в их взаимодействии для обеспечения функционирования всей системы. 2) «*Интерспективное*» направление — исследование функций и связей физической культуры (или ее подсистем) с другими социальными явлениями: физическая культура и искусство, физическая культура и научно-технический прогресс и т. д. 3) «*Ретроспективное*» направление, к которому автор отнес всю социологическую про-

блематику физической культуры, связанную с различными периодами ее истории. 4) «Перспективное» направление — выявление тенденций изменения физической культуры, включая «обоснования перспективного социального планирования» (Якобсон, 1971: 128–129). Одна из наиболее заметных фигур эпохи становления социологии спорта, Н. И. Пономарев, наряду с изначально общепринятой ее характеристикой как науки о социальной природе, месте и роли физической культуры и спорта, обратил внимание на еще одну принципиальную именно для социологического анализа позицию, которая в последующем получила существенное развитие посредством эмпирических исследований: «Важнейшей стороной социологии физической культуры и спорта является изучение социальных отношений людей в жизни этого общественного явления, т. е. отношения различных по положению в обществе людей и отношения по поводу социальных ценностей» (Пономарев, 1974: 6).

Ограничимся этой небольшой информацией по поводу больших дискуссий о специфике социологии спорта, поскольку всё же лик этой науки проступает преимущественно не через результаты науковедческо-методологических изысканий, а через описание основных *предметно-тематических* блоков проведенных исследований, включающих как работы социально-теоретического характера, так и представляющих продукты реализации тотального интереса к сбору и анализу эмпирической информации в 1960–1970-е годы. Выделим из них несколько наиболее значимых — как с точки зрения *тогдашней* их социальной востребованности, так и с учетом масштаба представленности в реальной практике и в публикациях, ее отражающих.

Если дать общую характеристику основных полей, в которых шло развитие социологических исследований ФКиС в рассматриваемый период, и выделить здесь некоторые доминанты, то таковыми будут прежде всего исследования проблем *массового спорта и физической культуры*, хотя и некоторые аспекты спорта высших достижений уже попадали в зону интересов социологов (серьезно «массовка» была потеснена ими уже после 1980-х). Тематика, которую можно подвести под общую вывеску (с некоторыми вариациями в течение всего рассматриваемого периода) «ФКиС в образе жизни советских людей», охватывала множество исследовательских направлений, включая: выявление и обоснование социально-экономического эффекта от развития массового спорта и физической культуры, с акцентом на ее оздоровительное значение; получение и обобщение информации об интересах и запросах различных групп населения к этим практикам¹⁹ (это принципиально отличает этап 1960–1970-х от рассмотренного выше первого этапа с его однозначным интересом к анализу запросов *государства*); анализ особенностей этих запросов у представителей отдельных социальных групп (гендерных, профессиональных, социально-территориальных и др.) и обоснование путей их

19. Оставляем за скобками вопрос о реальном учете результатов этих исследований в официальной социальной политике и в конкретных практиках: вопрос о внедрении научных результатов — это вопрос для отечественной науки, как известно, отдельный.

реального включения в «физкультурную активность», как и увеличения доли этой активности в структуре свободного времени.

Интенсивно росло число исследований, связанных с изучением ФКиС как средства социализации личности (с акцентом на «формирование всесторонне, гармонично развитой личности»), а также с построением социального портрета спортсмена как представителя особого вида деятельности (хотя, конечно, до признания спорта как профессиональной практики — как и использования соответствующих терминов — было еще далеко). Начинает формироваться блок исследований о спорте как социальном институте; ведется социологически окрашенная разработка вопросов, связанных с использованием спорта как «мягкого оружия» («Спорт — посол мира», «Спорт и политика» и т. п.). Неувядающим вектором все эти десятилетия остается изучение вопросов физического воспитания в трудах классиков марксизма-ленинизма как теоретико-методологической основы для всех вышеперечисленных направлений.

Начинает набирать обороты направление (позже ставшее одним из доминирующих), связанное с анализом идеологии и практики олимпизма. В условиях холодной войны сохраняют свою значимость работы, направленные на «развенчание» буржуазного спорта и его идеологов²⁰.

При анализе этого списка становится вполне очевидным то утверждение, которое нами было высказано в начале этой статьи: *серьезных* оснований для рассмотрения социологии спорта 1960–1970-х годов как возрождения и продолжения того, что было сделано в этой области в раннесоветский период, пожалуй, нет. Лишь поиск социально-экономического эффекта от развития массового спорта да еще разоблачение буржуазного спорта на базе марксистско-ленинского учения более или менее соприкасаются с тематическим полем «околосоциологии» спорта 1920–1930-х годов. Но даже и это пересечение — относительно, уже хотя бы в силу принципиально разных контекстов актуализации проблемы, в рамках которых одни и те же слова превращаются в паронимы. Не имея возможности подробно рассмотреть каждый из названных тематических блоков, дадим лишь некоторые комментарии к ним, вновь адресуя желающих к соответствующему реферативно-библиографическому анализу (Мильштейн, 1974) и к хрестоматии, выстроенной по проблемно-тематическому принципу (Столяров, 2005).

Отметим прежде всего то известное обстоятельство, что разработка проблем, имеющих ценность для государства в социально-экономическом смысле, всегда является достаточно сильным аргументом для утверждения соответствующего научного направления, а стало быть, и соответствующей финансово-организацион-

20. Но, как известно, такого рода работы, по необходимости начинавшиеся со слова «Критика...» (той или иной «буржуазной» науки, немарксистского учения и пр.), были в то время иногда единственной возможностью познакомиться с этими самыми современными «буржуазными» школами, течениями, именами... С каким интересом слушались, например, высокоинформативные лекции Г. М. Андреевой под общей вывеской «Критика современной буржуазной социологии», или читались книги вроде «Социологии личности» И. С. Кона, содержащие «критическую» отсылку к важнейшим работам зарубежных, недоступных простому студенту/аспиранту, авторов.

ной поддержки. И развитие социологических исследований, связанных с физической культурой населения, со сферой массового спорта, не явилось исключением. В частности, уже упомянутый сектор ЦНИИФКа в 1965–1966 годах провел масштабное изучение возможных (а где-то уже достигнутых) социально-экономических эффектов от развития физической культуры, решая одновременно задачу по определению, как это тогда формулировалось, «основных тенденций и перспектив развития и совершенствования физкультурного движения». Такого рода исследования путем массовых социологических опросов (В. И. Жолдак, И. И. Переверзин, Л. Н. Нифонтова и др.) проводились во второй половине 1960-х в разных городах и регионах страны: Северодонецке, Стерлитамаке и др. (Столяров, 2005: 18). В их числе, например, проект «ФКиС и их влияние на труд в различных сферах производства» (рук. Г. И. Кукушкин).

Существенно ширился сбор социологической информации о месте ФКиС в структуре временных затрат (В. А. Артемов, Ю. В. Борисов, В. И. Жолдак, Б. Расин и др.) — главным образом в связи с изучением особенностей досуговых занятий у представителей разных социально-демографических групп, что позволило бы «определить величину, структуру, содержание и использование свободного времени для решения задач физического воспитания» (Пономарев, 1962: 17).

Наряду с проблемами «массовки», досуга, оздоровления все более активно изучаются проблемы, связанные с соревновательным спортом: исследования М. Арвисто о ценностных ориентациях юных спортсменов (70-е гг.); Д. К. Жвания — о социальных факторах жизненного пути спортсмена; А. М. Максименко — о связи уровня спортивных достижений с социально-экономическими факторами и др. Большое исследование 70-х годов «Образ жизни, спортивная карьера и направленность личности советских спортсменов — участников Олимпийских игр 1952–1972 годов» (с охватом 816 чел.) получило отражение в монографии «Советский олимпиец: социальный портрет» (Мильштейн, Кулинкович, 1979).

Важным показателем (и стимулирующим фактором) в этот период стал рост числа, масштабов и интенсивности проведения *конференций, симпозиумов, семинаров* разного уровня, а также активное участие советских социологов спорта в международных научных мероприятиях. Поскольку серьезная работа по восстановлению хронологии научных мероприятий, связанных с темой нашего анализа, была проделана авторами уже упомянутых ранее двух трудов, носящих систематизирующе-обобщающий характер (Мильштейн, 1974; Столяров, 2005), мы, отсылая заинтересованных читателей к этим публикациям, ограничимся здесь лишь небольшим перечислением значимых мероприятий, содержание выступлений на которых отражало все основные тематические направления развития советской социологии спорта. Некоторые из этих научных событий (в виде изданных по их итогам материалов) нашли отражение в прилагаемой к статье библиографии.

Уже начиная с середины 1960-х годов стали проводиться Всесоюзные конференции по социологическим проблемам ФКиС (Москва, 1966; Уфа, 1974; Цахкадзор, 1977 и т. д.). Особое внимание, как уже отмечалось, уделялось проведению

исследований (и, соответственно, обсуждению на встречах их результатов), связанных с вопросами вовлечения различных групп населения в различные формы активного досуга, занятия физической культурой и т. п., о чем свидетельствуют и названия многих конференций, например: «Физическая культура и свободное время» (Ленинград, 1972); «Физическая культура и спорта на селе» (Москва, 1974); «Женщина и физическая культура» (Москва, 1975); «Методологические и социальные проблемы развития массовой ФК» (Красноярск, 1982).

Заметной составляющей в деятельности этого периода стало активное взаимодействие с коллегами — социологами спорта из стран социалистического лагеря, где эта социологическая ветвь нередко была существенно более продвинутой (прежде всего это относилось к Польше, Венгрии, Германии). Один из наиболее крупных проектов, продолжавшийся не один год (с 1978 года) и опирающийся на конкретные социологические исследования в 6 соцстранах, — «Спорт, образ жизни, культура» (страна-координатор исследования — СССР, руководитель — В. И. Столяров). Сотрудничество социологов спорта из социалистических стран активизировало как знакомство с их работами (Krawczyk, 1970, 1974, 1983; Wohl, 1966, 1970 и др.), так и подготовку немалого числа совместных публикаций (Столяров, Кравчик, 1979; и др.). Международное сотрудничество отечественных социологов спорта, однако, даже в тот период не ограничивалось «внутрисоциалистическим» сообществом, хотя назвать его масштабным (по количеству «игроков») в широком международном смысле тоже вряд ли можно. Тем не менее уже с середины 1960-х годов стала активно продвигаться работа по налаживанию взаимодействия отечественных социологов спорта с соответствующими международными структурами. Так, в 1964 году в Международный комитет социологии спорта Всемирного совета по физическому воспитанию и спорту при ЮНЕСКО вошел А. Д. Новиков; затем на протяжении многих лет активное участие в его работе принимали Н. И. Пономарев, О. А. Мильштейн, В.С. Родиченко, В. И. Столяров. Впервые самостоятельная рабочая группа «Социология спорта» в рамках Всемирных социологических конгрессов появилась в 1970 году (Варна), и в ее рамках были представлены доклады целой группы советских исследователей, что стало регулярной практикой и в последующем. Несомненно, крупные международные конференции и конгрессы были мощным стимулятором научной активности. Масштабные, полидисциплинарные форумы по спортивно-физкультурной тематике, начиная с этих времен, всегда включали в себя секции по социологическим (чаще — философско-социологическим) проблемам ФКиС. Одним из значимых для старта стал Всемирный конгресс «Спорт в современном обществе» (Москва, 1974 год), который уже многочисленностью участников свидетельствовал о завоеванной советскими социологами спорта репутации. Докладчики — «полпреды» из СССР были всегда представлены в программах социологических секций на Преодолимпийских научных конгрессах (Мюнхен, 1972; Квебек, 1976; Тбилиси — перед московской Олимпиадой-1980 и т. д.).

Главный международный журнал по социологии спорта «International Review for the Sociology of Sport» (IRSS), который в 2015 году отметил свое 50-летие, — тоже стал полем приложения сил для отечественных исследователей. Среди его авторов в 1970-е — начале 1990-х годов (перечисляем не хронологически, а по алфавиту) — М. Арвисто, В. Артемов, И. Быховская, Н. Валентинова, А. Максименко, О. Мильштейн, С. Молчанов, А.Д. Новиков, Н. И. Пономарев, М. Д. Рипа, В. С. Родиченко, В. И. Столяров и др., а О. А. Мильштейн в 1972–2002 годах входил в его редколлегию. Отметим еще один любопытный факт: в 1960-е — начале 1980-х годов резюме к статьям в журнале IRSS публиковалось, наряду с немецким и французским (позже — и испанским) языками, еще и на русском. К сожалению, с конца 1990-х эта практика исчезла.

Характеризуя в юбилейно-обзорном номере журнала развитие социологии спорта в бывших соцстранах, наша коллега из Словении ссылается на данные польского социолога А. Воля: взрыв публикаций в рассматриваемой области произошел в начале 1960-х, когда вышло более 800 публикаций по социальным аспектам спорта; за период между 1960-ми и 1980-ми число публикаций удвоилось. Однако, как отмечает автор, большинство из этих и многих последующих публикаций не стали известными за пределами каждой отдельной страны прежде всего из-за языкового барьера — большинство из них были написаны на «локальных», не имеющих широкого международного использования, языках (польском, венгерском, сербском, добавим — русском и др.). Кроме того, многие публикации имели политико-философский характер, что не всегда, отмечает автор, представляло интерес для международных социологических журналов. К тому же, пишет она, «в отличие от западных социологов спорта, многие из которых ставили и критически обсуждали различные *внутренние* проблемы развития спорта, исследователи в соцстранах фокусировали внимание преимущественно на позитивных сторонах и игнорировали существование проблем, связанных с насилием и другими девиантными аспектами» (Doupna Torič, 2015: 424–425).

Конечно, эта оценка, касающаяся тематики социологических исследований спорта, сегодня имеет лишь ретроспективный смысл — современное проблемное поле в этой области познания за последние десятилетия претерпело существенные изменения, как, впрочем, и то, что является объектами изучения в этой сфере, — спорт и его болельщики, телесная культура и формы активного досуга; взаимодействие «старых» и «новых» медиа с пространством спорта; влияние межкультурных коммуникаций на сферу ФКиС в современном мире... Однако это уже сюжет для другого романа.

Закольцовывая же наше эссе, вернемся вновь в начало века, но уже не в отечественное, а в мировое пространство, поскольку слова классика европейской философии М. Шелера, сказанные в 1921 году, похоже, даже еще веселее звучат сегодня: «Вряд ли какой другой феномен в мире заслуживает сегодня в такой же степени глубокого социально-философского и психологического изучения, как спорт. Спорт безмерно вырос в своем значении, но изучению смысла спорта не уделяется должного внимания» (Scheler, 1921:19). А к классикам надо прислушиваться!

Литература

- Андреева И. С. (ред.). (1980). Социология спорта (Навстречу Олимпиаде-80): Реферативный сборник. М.: ИНИОН.
- Артемов В. А. (1963). Об изучении социологического аспекта физической культуры // Теория и практика физической культуры. № 4. С. 58–60.
- Артемов В. А. (1964). Результаты обследования бюджетов времени // Теория и практика физической культуры. № 10. С. 58–61.
- Бурдые П. (1994). Программа для социологии спорта // Бурдые П. Начала / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos. С. 257–275.
- Быховская И. М., Столяров В. И. (1983). Социалистический образ жизни и физическая культура // Информ. материалы Философского общества СССР. № 3. М.: ФО АН СССР. С. 11–18.
- Быховская И. М. (1988). Социологический анализ массовой физической культуры и спорта // Осипов Г. В., Иванов В. Н. (ред.). Марксистско-ленинская социология. М.: Наука. С. 107–112.
- Валентинова Н. Г., Пономарев Н. И. (1972). Социология и спорт // Теория и практика физической культуры. № 2. С. 76–79.
- Визитей Н. Н. (1979). Социальная природа современного спорта. Кишинев: Штиинца.
- Визитей Н. Н. (2006). Курс лекций по социологии спорта. М.: Физическая культура.
- Виноградов П. А., Жолдак В. И. (1979). Организация пропаганды физической культуры и спорта с учетом интересов населения. М.: Физкультура и спорт.
- Гисин С. Л., Рутберг Н. И. (1963). Вопросы физического воспитания в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Теория и практика физической культуры. № 3. С. 7–15.
- Голощанов Б.Р. (2009). История физической культуры и спорта. М.: Академия.
- Гурвич С. С., Морозов В. А. (1973). Методологические основы социологии физической культуры и спорта // Социальные основы физической культуры и спорта. Киев: КГИФК. С. 8–24.
- Гуськов С. И. (1983). Обзор социологических исследований спорта в США // Теория и практика физической культуры. № 1. С. 45–47.
- Жолдак И. (1932). Мировая спартакиада. М.: ОГИЗ, Физкультура и туризм.
- Карпушко Н. А. (1992). Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре. М.: ГЦОЛИФК.
- Киселев Р. М. (1978). США: спорт и общество. М.: Физкультура и спорт.
- Кукушкин Г. И. (1967). Состояние и задачи социологических исследований в области физической культуры и спорта // Доклады итоговой сессии Научно-методического совета. Т. 1. М.: Физкультура и спорт. С. 30–49.
- Луначарский А. В. (1930). Мысли о спорте. М.: Огонек.

- Малова В. А.* (1972). Основные направления в развитии социологических исследований в области физической культуры и спорта // Сборник науч.-метод. работ по организации физкультурного движения и формам массовой физкультурной работы. Л.: ЛНИИФК. С. 106–125.
- Манько Ю. В.* (ред.). (1985). Философско-социологические проблемы физической культуры и спорта. Л.: ВИФК.
- Милеев С.* (1931). Искусство и физическая культура. М., Л.: Физкультура и туризм.
- Милеев С.* (1932). Физкультура и религия. М., Л.: ОГИЗ, Московский рабочий.
- Мильштейн О. А.* (1973). О предмете социологии спорта и ее развитии в СССР // Социальные основы физической культуры и спорта. Киев: КГИФК. С. 25–40.
- Мильштейн О. А.* (1974). Социология физической культуры и спорта в СССР: обзор основных направлений и аннотированный указатель литературы (1918–1974 гг.). М.: Физкультура и спорт.
- Мильштейн О. А., Кулинкович К. А.* (1979). Советский олимпиец: социальный портрет. М.: Физкультура и спорт.
- Новиков А. Д., Рутберг Н. И.* (1972). Об основных направлениях научных исследований марксистских социологических проблем физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. № 3. С. 68–69.
- Пономарев Н. И.* (1951). Классовая сущность профессионализма и «любительства» в буржуазном спорте. Дисс. ... канд. пед. наук. М.: ГЦОЛИФК.
- Пономарев Н. И.* (1962). Труд, свободное время и физическое воспитание // Теория и практика физической культуры. № 11. С. 17–21.
- Пономарев Н. И.* (1974). Социальные функции физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт.
- Прокуменищikov М.* (2004). Большой спорт в большой политике. М.: РОССПЭН.
- Рутберг Н. И.* (1973). Социология физической культуры и спорта: библиография советской литературы (1960–1972). М.: ГЦОЛИФК.
- Семашко Н. А.* (1926). Пути советской физкультуры. М.: Физкультиздат.
- Семашко Н. А.* (ред.), *Чесноков Б. М.* (сост.). (1928). Энциклопедический словарь по физической культуре. М., Л.: Госиздат.
- Серебряков А. В., Пономарев Н. И.* (1987). Социология спорта США на службе капитализма. М.: Физкультура и спорт.
- Степовой П. С.* (1972). Спорт и общество: некоторые методологические и социальные проблемы. Тарту.
- Столбов В. В.* (1966). Социальная сущность современного олимпизма // Материалы 1-й Всесоюзной конференции по социологическим проблемам физической культуры и спорта. Ленинград. С. 53–57.
- Столбов В. В.* (ред.). (2001). История физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт.
- Столбов В. В.* (ред.) (2003). История Российской государственной академии физической культуры. М.: Физкультура и спорт.

- Столяров В. И., Кравчик З. (сост.) (1979). Спорт и образ жизни. М.: Физкультура и спорт.
- Столяров В. И. (1981). Философские и социологические проблемы физической культуры и спорта // Вопросы философии. № 2. С. 168–173.
- Столяров В. И. (ред.) (1988). Философско-социологические исследования физической культуры и спорта. Ежегодник. Вып. 1. М.: Советский спорт.
- Столяров В. И. (ред.), Чесноков Н. Н., Стопникова Е. В. (сост.) (2005). Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. Часть 1. М.: Физическая культура.
- Суник А. (2010). Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт.
- Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. (ред.). (2010). Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя.
- Фирсов Б. М. (2012). История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Френкин А. А. (1962). Всестороннее развитие личности и вопросы физического воспитания // Вопросы философии. № 3. С. 87–91.
- Френкин А. А. (ред.). (1965). Критика буржуазной «социологии спорта». М.: Физкультура и спорт.
- ЦК КПСС, Совет Министров СССР. (1966). О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правда. 25 августа.
- Эдельман Р. (2008). Серьезная забава: история зрелищного спорта в СССР / Пер. с англ. И. С. Давидян. М.: Советский спорт, АИРО-XXI.
- Ядов В. А. (ред.). (1998). Социология в России. М.: Ин-т социологии РАН.
- Якобсон М. А. (1971). Социологические проблемы физической культуры // Социальные исследования. Вып. 7. М.: Наука. С. 128–136.
- Bykhovskaya I. (1991). Sports, New Way of Thinking and Human Values // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 26. № 3. P. 193–201.
- Bykhovskaya I. (1997). Athletics and Sports. Health and Beauty Care // Boutenko I., Razlogov K. (eds.). Recent Social Trends in Russia, 1960–1995. Quebec: McGill-Queen's University Press. P. 281–284; 243–245.
- Doupona Topič M. (2015). Assessing the Sociology of Sport: On Sport and the Challenges of Post-socialist Countries // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 50. № 4–5. P. 424–429.
- Edelman R., Wilson W. (eds.). (2017). The Oxford Handbook of Sports History. Oxford: Oxford University Press.
- Hartmann D. (2017). Sport and Social Theory // Edelman R., Wilson W. (eds.). The Oxford Handbook of Sports History. Oxford: Oxford Univ.Press. P. 15–28.
- Krawczyk Z. (1970). Florian Znaniecki's Humanist Approach to Physical Culture // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 5. № 1. P. 131–161.
- Krawczyk Z. (1974). Filozofia i sociologia kultury fizycznej. Warszawa: PWN.

- Ponomarev N. I.* (1974). The Social Phenomenon of Game and Sports // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 9. № 1. P. 117–126.
- Ponomaryov N. I.* (1981). Sport and Society. M.: Progress.
- Riordan J.* (1977). Sport in Soviet Society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scheler M.* (1921). Vom Ewigen im Menschen. Leipzig: Der neue Geist.
- Wohl A.* (1966). Conception and Range of Sport Sociology // International Review of Sport Sociology. Vol. 1. P. 5–17.
- Wohl A.* (1970). Competitive Sport and Its Social Functions // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 5. № 1. P. 117–130.
- Wohl A.* (1979). Socjologia kultury fizycznej: zarys problematyki. T. I. Warszawa: PWN.
- Wohl A.* (1981). Soziologie des Sports: Allgemeine theoretische Grundlagen. Köln: Pahl-Rugenstein.

The Soviet Sociology of Sport: Start and . . . Start Once Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)

Irina Bykhovskaya

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Cultural Research, Sociocultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Sport, Physical Education, and Tourism
Address: Sirenevy ave., 4, Moscow, Russian Federation 105122
E-mail: bykirina@gmail.com

Oleg Milstein

Professor, PhD (Pedagogy), Independent Researcher
Address: Profsoyuznaya str. 144-131, Moscow, Russian Federation 127321
E-mail: bykirina@gmail.com

The two main stages of the formation and development of the Soviet sociology of sport, the first, covering the 1920s and the beginning of the 1930s, and the second covering the 1960–1980s, are considered in the paper. It is noted in the introduction that although the Soviet sociology of sport as one of the branches within sociological science of that time in general has an interesting prehistory in the early Soviet years and a rich history of development in the middle of the last century, it has not yet received adequate coverage in the works on the history of the development of this science. The reason may be that in the traditional opposition between “the high” (spiritual) and “the low” (corporeal), the body practices are classified as “second-rate”. The authors sought to eliminate the existing “lacuna” by conducting a brief analysis of the Soviet stage of the development of the sociology of sport. The features of each of the stages (the main vectors of development of the national sociology of sports, dominants, and their transformations) are considered in the context of the time. The authors based their research on sources such as the relative publications reflecting the theme characteristic for each period, as well as some “living memories”, both of their own and of some other participants in the events. These sources could give birth to a certain element of subjectivism, already reflected in the subtitle of the article.

Keywords: sociology, Soviet sociology, sociological research, sociology of sport, sport, physical culture, body practices

References

- Andreeva I. (ed.) (1980) *Sociologija sporta (Navstrechu Olimpiade-80): referativnyj sbornik* [Sociology of Sport (Towards the Olympic Games-80): Abstracts Collection], Moscow: INION.
- Artemov V. (1963) Ob izuchenii sociologicheskogo aspekta fizicheskoj kul'tury [On Sociological Study of Physical Culture]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 4, pp. 58–60.
- Artemov V. (1964) Rezul'taty obsledovanija bjudzhetov vremeni [Results of the Survey of Time Budgets]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 10, pp. 58–61.
- Bourdieu P. (1994) Programma dlja sociologii sporta [Program for Sociology of Sports]. *Natchala* [Beginnings], Moscow: Socio-Logos, pp. 257–275.
- Bykhovskaya I. (1988) Sociologicheskij analiz massovoj fizicheskoj kul'tury i sporta [Sociological Analysis of Mass Physical Culture and Sports]. *Marksistsko-leninskaja sociologija* [Marxist-Leninist Sociology] (eds. G. Osipov, V. Ivanov), Moscow: Nauka, pp. 107–112.
- Bykhovskaya I. (1991) Sports, New Way of Thinking and Human Values. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 26, no 3, pp. 194–201.
- Bykhovskaya I. (1997) Athletics and Sports. Health and Beauty Care // Recent Social Trends in Russia, 1960–1995 (eds. I. Boutenko, K. Razlogov), Quebec: McGill-Queen's University Press, pp. 281–284, 243–245
- Bykhovskaya I., Stolyarov V. (1983) Socialisticheskij obraz zhizni i fizicheskaja kul'tura [Socialist Way of Life and Physical Culture]. *Information Bulletin of the Philosophical Society of the USSR*, no 3, pp. 11–18.
- Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR (1966) O merah po dal'nejshemu razvitiu fizicheskoj kul'tury i sporta. Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR [On Measures for the Development of Physical Culture and Sport. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR]. *Pravda*, August 25.
- Doupona Topič M. (2015) Assessing the Sociology of Sport: On Sport and the Challenges of Post-socialist Countries. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 50, no 4–5, pp. 424–429.
- Edelman R. (2008) Ser'eznaja zabava: istorija zrelishnogo sporta v SSSR [Serious Fun: The History of Spectator Sports in the USSR], Moscow: Sovetsky sport, AIRO-XX1.
- Edelman R., Wilson W. (eds.) (2017) *The Oxford Handbook of Sports History*, New York: Oxford University Press.
- Firsov B. (2012) *Istorija sovsotskoj sociologii: 1950–1980: ocherki* [The History of Soviet Sociology, 1950–1980s: Essays], Saint Petersburg: EUSPb.
- Frenkin A. (1962) Vsestononnee razvitie lichnosti i voprosy fizicheskogo vospitanija [The All-round Personality Development and Physical Education Issues]. *Problems of Philosophy*, no 3, pp. 87–91.
- Frenkin A. (ed.) (1965) *Kritika burzhuaznoj "sociologii sporta"* [Criticism of the Bourgeois "Sociology of Sport"], Moscow: Fizkultura i sport.
- Gisin S., Rutberg N. (1963) Voprosy fizicheskogo vospitanija v trudah K. Marksa i F. Jengel'sa [The Problems of Physical Education in the Works of K. Marx and F. Engels]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 3, pp. 7–15.
- Goloshchapov B. (2009) *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of Physical Culture and Sports], Moscow: Akademia.
- Gurvich S., Morozov V. (1973) Metodologicheskie osnovy sociologii fizicheskoj kul'tury i sporta [Methodological Basics of Sociology of Physical Culture and Sport]. *Social'nye osnovy fizicheskoj kul'tury i sporta* [Social Basics of Physical Culture and Sport], Kiev: KGIFK, pp. 8–24.
- Guskov S. (1983) Obzor sociologicheskikh issledovanij sporta v SShA [Survey of Sociological Researches of Sports in USA]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 1, pp. 45–47.
- Hartmann D. (2017) Sport and Social Theory. *The Oxford Handbook of Sports History* (eds. R. Edelman, W. Wilson), New York: Oxford University Press, pp. 15–28.
- Jacobson M. (1971) Sociologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury sporta [Sociological Problems of Physical Culture]. *Social'nye issledovanija. Vyp. 7* [Social Studies, Issue 7], Moscow: Nauka, pp. 128–136.

- Karpushko N. (1992) *Istoriko-teoreticheskij analiz shkol'nyh programm po fizicheskoj kul'ture* [Historical and Theoretical Analysis of School Programs in Physical Education], Moscow: GCOLIFK.
- Kiselev R. M. (1978) *SShA: sport i obshchestvo* [USA: Sport and Society], Moscow: Fizkultura i sport.
- Krawczyk Z. (1970) Florian Znaniecki's Humanist Approach to Physical Culture. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 5, no 1, pp. 131–161.
- Krawczyk Z. (1974) *Filozofia i sociologia kultury fizycznej*, Warszawa: PWN.
- Kukushkin G. (1967) Sostojanie i zadachi sociologicheskikh issledovanij v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta [Status and Tasks of Sociological Researches in the Field of Physical Culture and Sport]. *Doklady itogovoj sessii Nauchno-metodicheskogo soveta. T. 1* [Reports of the Final Session of the Scientific and Methodological Council, Vol. 1], Moscow: Fizkultura i sport, pp. 30–49.
- Lunacharsky A. (1930) *Mysli o sporte* [Thoughts on sports], Moscow: Ogonek.
- Malova V. (1972) Osnovnye napravlenija v razvitii sociologicheskikh issledovanij v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta [The Main Directions in the Development of Sociological Researches the Field of Physical Culture and Sport]. *Sbornik nauch.-metod. rabot po organizacii fizkul'turnogo dvizhenija i formam massovoj fizkul'turnoj raboty* [Collection of Scientific-Methodical Works on the Organization of Physical Culture and the Forms of Physical Education], Leningrad: LNIIFK, pp. 106–125.
- Manko Y. (ed.) (1985) *Filosofsko-sociologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury i sporta* [Philosophical and Sociological Problems of Physical Culture and Sport], Leningrad: VIFK.
- Mileev S. (1931) *Iskusstvo i fizicheskaja kul'tura* [Art and Physical Culture], Moscow, Leningrad: Fizkultura i turizm.
- Mileev S. (1932) *Fizkul'tura i religija* [Physical Culture and Religion], Moscow: OGIZ.
- Milshtein O. (1973) O predmete sociologii sporta i ee razvitii v SSSR [On the Subject of Sociology of Sport and its Development in the USSR]. *Social'nye osnovy fizicheskoj kul'tury i sporta* [Social Basics of Physical Culture and Sport], Kiev: KGIFK, pp. 25–40.
- Milshtein O. (1974) *Sociologija fizicheskoj kul'tury i sporta v SSSR: obzor osnovnyh napravlenij i annotirovannyj ukazatel' literatury (1918–1974)* [Sociology of Physical Culture and Sport in the USSR. A Review of the Main Directions and an Annotated Index of Literature, 1918–1974], Moscow: Fizkultura i sport.
- Milshtein O., Kulinkovich K. (1979) *Sovetskij olimpiec: social'nyj portret* [Soviet Olympian: A Social Portrait], Moscow: Fizkultura i sport.
- Novikov A., Rutberg N. (1972) Ob osnovnyh napravlenijah nauchnyh issledovanij marksistskikh sociologicheskikh problem fizicheskoj kul'tury i sporta [On the Main Directions of Scientific Researches of Marxist Sociological Problems of Physical Culture and Sport]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 3, pp. 68–69.
- Ponomarev N. (1951) *Klassovaja sushhnost' professionalizma i "ljubitel'stva" v burzhuaznom sporte* [The Class Essence of Professionalism and "Amateurism" in Bourgeois Sport] (PhD Thesis), Moscow: GCOLIFK.
- Ponomarev N. (1962). Trud, svobodnoe vremja i fizicheskoe vospitanie [Work, Free Time and Physical Education]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 11, pp. 17–21.
- Ponomarev N. (1974) *Social'nye funkcii fizicheskoj kul'tury i sporta* [Social Functions of Physical Culture and Sport], Moscow: Fizkultura i sport.
- Prozumenshchikov M. (2004) *Bol'shoj sport v bol'shoj politike* [Great Sport in Great Politics], Moscow: ROSSPEN.
- Riordan J. (1977) *Sport in Soviet Society*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rutberg N.I. (1973) *Sociologija fizicheskoj kul'tury i sporta: Bibliografija sovsckoj literatury (1960–1972)* [Sociology of Physical Culture and Sports: Bibliography of Soviet Literature (1960–1972)], Moscow: GCOLIFK.
- Scheler M. (1921) *Vom Ewigen im Menschen*, Leipzig: Der neuer Geist.
- Semashko N. (1926) *Puti sovsckoj fizkul'tury* [Ways of Soviet Physical Culture], Moscow: Fizkultizdat.
- Semashko N., Chesnokov B. (eds.) (1928) *Jenciklopedicheskij slovar' po fizicheskoj kul'ture* [Encyclopedic Dictionary of Physical Culture], Moscow, Leningrad: Gosizdat.

- Serebryakov A., Ponomarev N. (1987) *Sociologija sporta SShA na sluzhbe kapitalizma* [Sociology of Sport in the Service of Capitalism], Moscow: Fizkultura i sport.
- Stepovoy P.S. (1972) *Sport i obshchestvo: Nekotorye metodologicheskie i social'nye problem* [Sport and Society: Some Methodological and Social Problems], Tartu.
- Stolbov V. (1966) Social'naja sushhnost' sovremennogo olimpizma [The Social Essence of Modern Olympism]. *Materialy 1-j Vsesojuznoj konferencii po sociologicheskim problemam fizicheskoj kul'tury i sporta* [Proceedings of the 1st All-Union Conference on Sociological Problems of Physical Culture and Sports], Leningrad, pp. 53–57.
- Stolbov V. (ed.) (2001) *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of Physical Culture and Sports], Moscow: Fizkultura i sport.
- Stolbov V. (ed.) (2003) *Istorija Rossijskoj gosudarstvennoj akademii fizicheskoj kul'tury* [History of the Russian State Academy of Physical Culture], Moscow: Fizkultura i sport.
- Stolyarov V. (1981) Filosofskie i sociologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury i sporta [Philosophical and Sociological Problems of Physical Culture and Sport]. *Problems of Philosophy*, no 2, pp. 168–173.
- Stolyarov V. (ed.) (1988) *Filosofsko-sociologicheskie issledovanija fizicheskoj kul'tury i sporta. Ezhegodnik. Vyp. 1* [Philosophical and Sociological Researches of Physical Culture and Sport. Yearbook. Issue 1], Moscow: Sovetsky sport.
- Stolyarov V., Kravchik Z. (eds.) (1979) *Sport i obraz zhizni* [Sport and the Way of Life], Moscow: Fizkultura i sport.
- Stolyarov V., Chesnokov N., Stopnikova E. (eds.) (2005) *Hrestomatija po sociologii fizicheskoj kul'tury i sporta. Chast' 1* [Reader in Sociology of Physical Culture and Sport, Part 1], Moscow: Fizicheskaya kul'tura.
- Sunik A. (2010) *Ocherki otechestvennoj istoriografii istorii fizicheskoj kul'tury i sporta* [Essays on the Domestic Historiography of the History of Physical Culture and Sport], Moscow: Sovetsky sport.
- Toshchenko Zh., Romanovsky N. (eds.) (2010) *Vehi rossijskoj sociologii. 1950–2000* [Milestones of the Russian Sociology, 1950–2000s], Saint Petersburg: Aleteija.
- Valentinova N., Ponomarev N. (1972) Sociologija i sport [The Sociology and Sport]. *Theory and Practice of Physical Culture*, no 2, pp. 76–79.
- Vinogradov P., Zholdak V. (1979) *Organizacija propagandy fizicheskoj kul'tury i sporta s uchetom interesov naselenija* [Organization of the Propaganda of Physical Culture and Sport Considering the Population Interests], Moscow: Fizkultura i sport.
- Vizitej N. (1979) *Social'naja priroda sovremennogo sporta* [The Social Nature of Modern Sport], Kishinev: Shtiinca.
- Vizitej N. (2006) *Kurs lekcij po sociologii sporta* [Lectures on the Sociology of Sport], Moscow: Fizicheskaya kultura.
- Wohl A. (1966) Conception and Range of Sport Sociology. *International Review of Sport Sociology*, vol. 1, pp. 5–17.
- Wohl A. (1970) Competitive Sport and Its Social Functions. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 5, no 1, pp. 117–130.
- Wohl A. (1979) *Socjologia kultury fizycznej: zarys problematyki. Vol. I*, Warszawa: PWN.
- Wohl A. (1981) *Soziologie des Sports: Allgemeine theoretische Grundlagen*, Köln: Pahl-Rugenstein.
- Yadov V. (ed.) (1998) *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia], Moscow: Institute of Sociology.